

Москвич?

версии

убийство

улицы

ДЕЛО № _____

БУДЬ БЛИЖЕ К ВРАГУ СВОЕМУ,

или Погоня за оборотнями

МВД СССР

Старшой

Валерий Любачевский

ХРАНИТЬ _____ ЛЕТ

Черный детектив

Валерий Любачевский

**Будь ближе к врагу своему,
или Погоня за оборотнями**

2021

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2=411.2)6-44

Любачевский В.

Будь ближе к врагу своему, или Погоня за оборотнями /
В. Любачевский — 2021 — (Черный детектив)

ISBN 978-5-907416-15-4

Все три романа, собранные в книге: «Будь ближе к врагу твоему», «Ещё раз о любви» и «Выродки» – написаны автором, много лет проработавшим старшим следователем по особо важным делам. Все события, описанные в произведениях, так жизненны и реалистичны, что читателю порой кажется, что он сам в команде опытных следователей распутывает нить преступления и идёт по следу преступника. Герои всех трёх романов – это одна команда профессионалов, которые не только возвращают веру в справедливость, но и заставляют читателя поверить в честность и порядочность людей, стоящих на страже закона и порядка. Переживая день за днём их будни – не только служебные, но и личные, – понимаешь, что в каждом из этих стойких людей живёт обычный человек, со своими радостями и жизненными трагедиями, способный не только честно исполнять свой долг, но и по-настоящему дружить, любить, сочувствовать и сострадать.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2=411.2)6-44

ISBN 978-5-907416-15-4

© Любачевский В., 2021

Содержание

Будь ближе к врагу своему...	5
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Валерий Любачевский

Будь ближе к врагу своему, или Погоня за оборотнями

Будь ближе к врагу твоему...

Этот небольшой, обдуваемый с трёх сторон пронзительными ветрами Балтийского моря город на северо- западе Латвии мог бы показаться приезжим и большинству местных жителей сонным и провинциально- спокойным. Тихие, мощённые булыжником улочки Старого города, средневековая крепость – резиденция курляндских герцогов, зелень парков и скверов – всё это настраивало приезжих и горожан на степенный, неспешный лад. Слегка запылённые (бризы, будь они неладны...) новые кварталы не портили общего впечатления, так как город застраивался широко и привольно.

Благодатную картину дополнял широкий, очень чистый, песчаный морской пляж. Правда, после десяти вечера он закрывался и пограничники распахивали там контрольно- следовую полосу. Но это не очень мешало обывателям, давно привыкшим к укладу жизни приграничного городка.

Город делился на две части широкой рекой, впадающей в Балтийское море, по берегам её раскинулись производственные районы одного из крупнейших на побережье Советской Балтики морских портов. Собственно, город и начинался восемьсот лет тому назад с построенного тевтонами порта. Ответвление Гольфстрима омывало побережье, заходя в устье реки, вследствие чего оно даже в самую суровую зиму не покрывалось льдом. И это был единственный никогда не замерзающий порт Советской Балтики, что делало патриархальный городок стратегическим пунктом на карте СССР.

А где порт, – там, естественно, и все сопутствующие ему «прелести»: контрабанда, рэкет, махинации с валютой, проституция, сутенёрство. Вокруг этого «букета» роились бандиты и жулики всех мастей, как местные, так и залётные. Иностранцы разведки тоже любопытствовали: на границе территориальных вод постоянно курсировало натовское разведывательное судно. Со своей стороны, Москва делала всё для максимального укрепления обороноспособности края. Город и район были напигованы воинскими частями и пограничниками.

На этой небольшой территории пересекались и переплетались интересы могущественных мировых держав, набирающих силу мощных преступных кланов и рождённых перестройкой финансово- промышленных корпораций, выпестованных бывшими партийными и комсомольскими деятелями. Эти силы боролись между собой, время от времени заключая такие причудливые союзы, что порой совершенно невозможно было понять, чьи «уши» торчат из той или иной заморочки.

За всем этим клубком пристально наблюдали вышедшие из подполья националистические группы, иногда пытаясь отщипнуть свой кусочек пирога и мечтая когда-либо разом ухватить весь пирог разом.

А внешне – это был чинный, благопристойный, тихий и уютный городок. И лишь немногие знали, какой бурной жизнью он живёт. Эти немногие каждое своё утро начинали с изучения сводки происшествий по городу.

...Начало августа выдалось на удивление погожим. Обычно в это время уже начинались монотонные, изматывающие душу дожди, длившиеся порой неделями. Но сейчас природа, видимо, решила дать людям ещё немного насладиться недолгим в этих краях летом. Местные

жители говорили: «У нас два месяца в году лето, остальное – осень». Но теперь ещё было лето...

Командир танкового полка полковник Митрофанов неспешно подходил к КПП. В этот день он немного задержался на службе и покидал полк уже в сумерках.

– Товарищ полковник, – выскочил из будки КПП дежурный, – разрешите доложить...

– Вольно, – перебил полковник. – Продолжай службу, сынок.

– Вы без машины? – удивился сержант. – Может, вызвать?

– Да нет, сегодня я пешком. Вечер уж больно хорош. Иди, служи, сынок!

Вовсе не из-за прекрасного вечера полковник не вызвал машину и отнюдь не домой он направлялся. Капитан Татаринцев со своей ротой находился на полигоне, а дома у него скучала молодая жена Ленка, с которой последние полгода полковник весьма тесно общался, из-за чего, собственно, капитан и пропадал большую часть времени на полигоне, крепя обороноспособность Родины.

Митрофанов никогда не подъезжал на служебной автомашине к дому капитана. Максимум, что он мог себе позволить, – это остановить машину в нескольких кварталах от дома Елены. Дальше он всегда шёл пешком. Полковник соблюдал конспирацию. Любовные утехы – дело хорошее, но семья – святое! «Тем более что жена – это дочь высокопоставленного генерала Генштаба», – усмехнулся Митрофанов.

Полковник оглядел себя в большом зеркале, установленном около выхода из КПП, и остался доволен увиденным. С зеркала на него смотрел статный моложавый офицер с холёным породистым лицом. Хорошо сшитый военторговским портным китель умело скрывал намечающийся животик. Два ряда орденских планок дополняли картину уверенного в себе блестящего военного, а дорогой кожаный кейс в левой руке придавал солидности. Правда, знающий человек отметил бы, что практически все награды – это юбилейные медали, но много ли их, знающих. А знаток регалий непременно отметил бы планку ордена Красной Звезды, полученного в Афганистане.

Полковник вышел за КПП и вдохнул полной грудью – свежий воздух бодрил. Поднялся на невысокую насыпь подъездных путей, ведущих вдоль территории полка к порту, и, не торопясь, зашагал по шпалам к жилому массиву.

Неспешная прогулка располагает к размышлениям, в данный момент – приятным. К своим тридцати четырём годам полковник Митрофанов сделал прекрасную карьеру (не без помощи тестя, разумеется). Много ли в его годы в армии полковников и командиров полков? А впереди уже маячила Москва, академия Генштаба и, чем чёрт не шутит, генеральские лампы. Тесть поможет.

Мысли полковника невольно перенеслись в прошлое. Петя Митрофанов родился и вырос в небольшом селе на Орловщине, но сельская жизнь не привлекала смышлёного, наделённого природной хитростью паренька. И тогда он поступил в высшее танковое училище. Удачно женившись на последнем курсе на дочке генштабовского чина, Петя, по мудрому совету тестя, не стал вклиниваться в плотные ряды «папиных сынов», желающих нести службу в «Арбатском военном округе», а уехал в забытый богом и людьми военный городок на Алтае. Молодой, перспективный и, главное, малопьющий офицер, к тому же имеющий связи в Москве, сразу же обратил на себя внимание начальства и стал довольно быстро продвигаться по служебной лестнице, чему в немалой степени помогал тесть. Нет, генерал не давил напрямую на Петино начальство. Просто, зная, кому Петя приходится зятем, начальники старались, по возможности, быстрее повысить его в должности, а если повезёт – отправить с повышением к другому месту службы. Жена Митрофанова, не обладавшая выдающимися внешними данными, к всеобщему удивлению, вовсе не походила на генеральскую дочку. Она всецело посвятила себя карьере мужа, безропотно переезжая с ним от одного места службы к другому, тем более что принимающее начальство старалось максимально комфортно устроить быт семьи моло-

дого офицера. А регулярные денежные переводы из Москвы позволяли не ощущать тех материальных затруднений, которые испытывает большинство офицерских семей. После рождения дочери жена Петра полностью сосредоточилась на семейном благополучии, ревниво оберегая его от всякого возможного вторжения извне.

С возрастом Пётр заматерел, приобрёл лоск, стараясь внешностью и манерами соответствовать облику успешного офицера. Ничего уже не напоминало в нём робкого деревенского паренька, который много лет назад переступил порог военного училища.

От направления в Афганистан Митрофанов не уклонился – и не прогадал. После Афгана его карьерный рост пошёл ещё стремительнее: в тридцать три с небольшим он возглавил полк и стал полковником.

Такую блестящую карьеру, конечно же, нужно было оберегать от всяких непредвиденных случайностей. Поэтому-то и конспирируется полковник при встречах с любовницей – никогда не ходит к ней на свидания с цветами. Городок-то небольшой, полковник Митрофанов – слишком заметная в нём фигура. А Ленка – умница! Никогда ничего лишнего не попросит и язык умеет держать за зубами. Зато её рохля Татаринцев недавно до срока стал капитаном и скоро будет выдвинут на должность замкомбата. Кстати, после переезда в Москву надо будет подумать, как перевести Татаринцева поближе к столице. А цветы – вещь необязательная. Зато в «дипломате» лежит бутылка «Хеннеси» и коробка конфет «Вишня в шоколаде», Ленка их обожает. Вот это – вещи нужные, и, главное, легко прячутся в кейсе. А цветы – ненужное и даже опасное баловство. Полковник погладил гладкую кожу кейса. Напоминает чем-то Ленкину кожу – нежную и бархатистую. А какая у неё роскошная фигура! И в постели – фурия... От этих мыслей у Митрофанова сладко защемило в груди, и он вдруг ощутил приятную истому в паху.

Всецело поглощённый сладострастными мечтаниями, полковник и не заметил, как от опоры перекинутого через пути пешеходного перехода отделилась неясная тень и быстро, но без звука стала приближаться к нему. Человек-тень двигался стремительно, наступая только на шпалы, чтобы избежать шороха щебёнки. В его походке было что-то звериное. Нogu в момент соприкосновения со шпалой он привычно ставил на ребро стопы, и лишь затем стопа полностью опиралась на шпалу, не издавая при этом ни звука. Внешне походка выглядела слегка косолапой, но при этом была стремительной и абсолютно бесшумной...

Полковник вдруг почувствовал, как кто-то легонько тронул его за плечо. Он обернулся, и глаза его округлились от ужаса. Рот ощерился в готовом вырваться из груди крике, но он не успел издать и звука. Блеснувший в свете железнодорожного фонаря клинок – последнее, что увидел в своей жизни Пётр Митрофанов.

Олег Островецкий вышел из автобуса и направился по направлению к зданию отдела милиции. Рослый, атлетического телосложения тридцатипятилетний мужчина невольно притягивал к себе взгляды многих представительниц прекрасного пола. Бесформенная джинсовая куртка пошива рижских цеховиков не могла скрыть широких плеч, зато хорошо маскировала пистолет Макарова в наплечной кобуре. Широкие джинсы-«бананы» от тех же цеховиков не сковывали движений. Несколько затрапезный внешний вид совершенно не волновал Олега. Сменив одиннадцать лет назад гражданскую одежду на форменную, он вообще перестал обращать внимание на моду, ценя в вещах только удобство и функциональность. Дорогие, но очень прочные и лёгкие кроссовки «Пума» на ногах только подчёркивали эти пристрастия. Темноволосый, с правильными чертами лица и щегольскими усами, он вполне мог бы сойти за смазливую красавчика, если бы не жёсткий взгляд из-под густых бровей и резко очерченный подбородок, выдающий натуру волевою, упорную, на грани упрямства. Весь облик этого человека вкупе с лёгкой, слегка расслабленной походкой бывшего борца внушал уважение.

Здание отдела внутренних дел располагалось в центре города на живописном бульваре. Двухэтажный особняк был построен в начале двадцатого века для дворянского собрания Курземского края. В 1940 году он был передан под отдел милиции, подвергся многочисленным перепланировкам; поэтому от бывшего великолепия остались только большой изразцовый камин и расписной потолок в «ленкомнате». К зданию примыкал деревянный одноэтажный флигель, в котором располагался следственный отдел.

Вот туда-то и направлялся старший следователь по особо важным делам майор милиции Олег Семёнович Островецкий.

Войдя в кабинет, Олег снял куртку, кинул её на вешалку. Кабинет был небольшой, оклеенный старыми обоями. На стене висел дежурный портрет «железного Феликса». Обшарпанный письменный стол с пишущей машинкой и двумя телефонами. Четыре разномастных стула вдоль стены – «многоцелевые», как любил шутить хозяин помещения. На них могли располагаться как вызванные на допрос люди, так и он сам во время ночных дежурств. Снималась висящая на вешалке в углу шинель, раскладывалась на стулья и – «ложе» готово. Второй полкой укрылся – и можно спать. Правда, на шинели были капитанские погоны, которые нужно было перешить ещё три года назад, но здоровому, крепкому сну это нисколько не мешало. Как не мешала и жесткость конструкции. Испортить сон (и настроение) мог только чёрный телефон без циферблата, соединяющий напрямую с дежурной частью. Эта гадкая штуковина имела обыкновение взрываться глубокой ночью мерзким пронзительным треньканьем, после чего противный (всегда противный в это время суток) голос дежурного ехидно сообщал в трубку: «У нас происшествие. На выезд».

Вообще-то дежурный следователь, по негласному уговору с руководством отдела, мог ночевать и дома. Только в случае усиленного варианта несения службы он должен был постоянно находиться в отделе. Но учитывая, что усиления назначались на время проведения советских государственных и иных праздников, памятных дат буржуазной Латвии, многочисленных рейдов и т. д., и т. п., ночевать в отделе во время дежурства приходилось через раз. Была в следственном отделе «переходящая» раскладушка, расквартированная в кабинете майора Макаркина, но притащить её к себе вовремя почему-то никогда не получалось. Поэтому четыре стула составляли важную и неотъемлемую часть обстановки кабинета.

Дополняли антураж большой сейф, выкрашенный нудной коричневой масляной краской, и книжный шкафчик с томиками УК, УПК, учебниками по криминалистике. Некий уют приносила большая кафельная печь. Поэтому, учитывая относительно большие, по сравнению с остальными, размеры кабинета «важняка», здесь имели обыкновение собираться для «релаксации» «следаки» и опера, вследствие чего нижний, закрытый дверцами ярус книжного шкафа был постоянно забит разнокалиберными бутылками.

Сейф был опечатан. Не то чтобы Олег никому не доверял и страдал излишней подозрительностью, но, придя много лет назад на службу, он решил следовать «правилу Жеглова» из нашумевшего в те годы телефильма «Место встречи изменить нельзя» – «Ни одной бумаги постороннему взгляду!» Правило убирать всё в сейф вошло в привычку.

Нужно было открыть сейф, достать материалы уголовного дела по шайке квартирных воров и начать печатать обвинительное заключение, но Олег медлил. Он знал причину этой медлительности. Два месяца назад в автокатастрофе погибла его жена Алёнка. Они были знакомы с детства, учились в одном классе, на первом курсе института поженились. Чтобы его выучить, Алёнка оставила институт и поступила работать крановщицей на завод. Потом переезд по распределению в этот город, работа на железной дороге, затем в милиции, рождение Светланки. Алёнка всегда была ему крепким тылом. Так и не получив высшего образования, она сумела устроиться на работу в таможню, где, благодаря уму и природной смётке, очень скоро стала ведущим специалистом. Год назад её пригласили на должность заместителя дирек-

тора одного из первых в республике совместных предприятий. Высокая зарплата, машина, положение. Олег, в свою очередь, заочно с отличием окончил Высшую школу милиции и получил приглашение продолжить учебу в адъюнктуре Академии МВД. Открывались широкие перспективы, но вдруг разом всё оборвалось. Нелепая авария – и всё пошло кувырком.

Несколько дней после аварии Алёнка ещё была в сознании и последними её словами были: «Олеж, спаси меня!» Потом кома и смерть. Эти последние её слова постоянно, как молотком, били по голове. Как он – здоровый и сильный мужик, прошедший огонь и воду, – не смог уберечь самое дорогое в мире существо? По логике вещей, смерть должна была выбрать его. Топоры, ножи, кастеты, стволы – это милицмейские будни. И в Афгане не раз мог лишиться головы.

Его пронесло, а вот её, её-то за что? Олег заскрежетал зубами. Умом он понимал, что ни в чём не виноват, – проклятый случай, но сердце постоянно твердило: «Виновен! Не уберёг!» И отныне он вынужден жить с этим камнем на душе...

Похороны и поминки он помнил смутно. Пытался напиться – не получилось, водка не брала. После похорон мать забрала внучку к себе в Белоруссию. Олег, чтобы вырваться из депрессии, пытался с головой окунуться в работу. Не помогло. Есть глупое расхожее мнение, что работа отвлекает от душевных мук и помогает залечить душевные раны. Чушь собачья! Ни от чего она не отвлекает и ничего не излечивает. Только время – может быть...

Олег посмотрел на сейф. Составление обвинительного заключения требует собранности: всё должно быть чётко, логично, доказательно. Излагать нужно юридическим языком – не всегда гладким, но ясным и недвусмысленным. Чёрт, как же заставить себя приступить к работе? Может, сказаться больным и взять отгул? Сроки по делу ещё не истекли, другие дела подождут... «Ага, а потом ночами будешь навёрстывать упущенное!» – перебил себя Олег. Он рывком сорвал с сейфа пластилиновую пломбу и открыл дверцу. Вынул три пухлых тома, потом, подумав, отстегнул наплечную кобуру с пистолетом, положил в сейф. Кобура была самодельная, сшитая по образцу военторговским сапожником. Приказ о постоянном ношении оружия начсоставом и оперативно-следственными работниками вышел недавно, и снабдить всех табельной амуницией ещё не успели. Носить оружие на поясной кобуре в гражданской одежде не вполне эстетично, таскать за поясом, как в кинофильмах, глупо – запросто можно потерять. Поэтому и пошили всем нуждающимся самодельные наплечные кобуры для скрытого ношения оружия.

Олег закрыл сейф и углубился в чтение материалов дела. Он прекрасно помнил все нюансы этого непростого расследования, но перед составлением «обвинилки» всегда полезно освежить память. Тем более что это даст ему возможность собраться.

Звонко и насмешливо затренькал прямой телефон.

– Твою мать! Как всегда, вовремя, – зло прошипел Олег.

Телефонов было два. К белому, общегородскому, с наклейкой «Враг подслушивает» на циферблате Олег относился спокойно. А вот этого чёрного уродца, напрямую связывающего с дежуркой, не переносил на дух. Звонок по этому телефону, как правило, ничего хорошего не сулил.

– Слушаю, – буркнул Олег в трубку.

– Островецкий, – раздался в трубке спокойный голос дежурного, – зайди к начальнику отдела. Срочно!

– С какой радости? Нас, если мне не изменяет память, отделили недавно от милиции. Так что твой начальник – мне больше не начальник.

– А твои боссы тоже там. Так что топай, Олеженька, – ехидно проворковала трубка.

– Вот и поработал, – чертыхнулся Олег. Он вынул кобуру, сложил дела на полку и запер дверцу на ключ. Машинально опечатал сейф, набросил на плечи куртку и вышел из кабинета.

– Разрешите войти? – переступив порог кабинета начальника отдела милиции, Олег оглядел присутствующих.

Начальник отдела внутренних дел полковник милиции Рожков сидел за огромным письменным столом.

Вальяжный, крупный, лет сорока пяти, Михаил Михайлович Рожков уже давно возглавлял городскую милицию. Упорно докарабкавшись из простых оперов до начальника, не имеющих «мохнатой лапы» в министерстве, Михаил Михайлович проводил политику осторожного лавирования между интересами старых «партийно-советских» элит и нарождающихся новых – национально ориентированных. При этом своих подчинённых полковник, по возможности, в обиду старался не давать.

Напротив полковника за приставным столиком сидел межрайонный прокурор Юрис Константинович Тетерис. Крепенький, слегка полноватый, лет сорока с небольшим – слыл честным и справедливым.

В углу, утопая в мягком, изрядно потёртом кресле, сидел замначальника отдела по оперативной работе подполковник милиции Алексей Кочетов. Сорокалетний, с усталым выражением лица, немного сутулый, в выдавшем виды тёмно-сером костюме, Алексей Иванович, прекрасный аналитик и неустомимый труженик, заслужил уважение даже у недоброжелателей. Однако излишняя прямолинейность и доходящая до догматизма принципиальность не давали ему близко сдружиться с кем-нибудь в отделе. За глаза его называли Бирюком.

Рядом с ним устроился начальник уголовного розыска майор милиции Владимир Шестаков – тридцатичетырёхлетний весельчак с глазами, в которых порой плясали чёртики. Володю недавно назначили начальником, что никак не изменило его отношений с сослуживцами. Он не выказывал никакого показного рвения, зря никого не наказывал и мог запросто выпить и погулять с сотрудниками. Шестакова ценили за лёгкий, незлобивый характер и постоянную готовность прийти на помощь.

На стуле у окна, расслабленно откинувшись на спинку, сидел бывший начальник уголовного розыска, а ныне – первый заместитель начальника отдела внутренних дел подполковник милиции Виктор Янович Тигерис. В свои тридцать восемь лет он успел окончить Академию МВД и считался преемником Рожкова на посту начальника отдела милиции. Среднего роста, с умными, слегка насмешливыми глазами, хорошо эрудированный, Виктор Тигерис, по прозвищу Тигр, отнюдь не походил на этого хищника. Он не рычал, не нападал, а поддерживал ровные, дружелюбные отношения с сослуживцами. Но в работе был жёстким и требовательным, хотя не перегибал палку и не унижал подчинённых. Собственно, это он, возглавляя местный уголовный розыск, подтянул его до уровня одного из лучших подразделений в республике.

На старом диванчике у стены, обособленно от других, рядом примостились ещё двое: руководители следственного отдела – непосредственные начальники Олега. Следователей недавно вывели из прямого подчинения местным органам милиции. Теперь они непосредственно подчинялись следственному управлению МВД. Поэтому «следаки», и до того подчёркивавшие свою процессуальную независимость, не могли упустить случая лишний раз напомнить об этом.

Начальник следственного отдела сорокавосемилетний подполковник милиции Иван Федотович Баранников обладал вспыльчивым, взрывным характером. Невысокого роста, коренастый, с будёновскими усами, Федотыч был готов в любой момент грудью встать на защиту вверенного ему подразделения. Служба в Афганистане и предпенсионный возраст отнюдь не добавляли покладистости его характеру. Он в любой момент мог затеять перепалку с начальством или прокуратурой, если считал, что затрагиваются интересы отдела. Впрочем, нередко доставалось «на орехи» и подчинённым. К несомненным достоинствам Федотыча относились незлопамятность и отходчивость. Из-за этих особенностей своего характера Федотыч иногда становился объектом незлобивых розыгрышей. Правда, отважиться на такие деяния могли

только его обожаемые «следаки». Им он прощал и мелкие нарушения дисциплины, и лёгкое раздолбайство, и шутки над собой.

Федотыча удачно дополнял его заместитель – сорокалетний подполковник Лев Николаевич Скворцов. Спокойный, интеллигентный, уравновешенный, он умело сглаживал острые углы во взаимоотношениях шефа с окружающими. Прекрасное знание законов, аналитические способности, большой практический опыт – всё это создало Скворцову славу серьёзного профессионала. К его мнению с уважением относились не только в городе, но и в министерстве. Лев Николаевич редко повышал голос, излагал свои мысли чётко и спокойно, что, впрочем, было порой куда более эффективным, чем громогласные заявления и ругань Федотыча.

Своё подразделение эти двое собирали долгие годы «по бусинке», лично изучая каждого кандидата в следователи. Тактично и неназойливо опекая своих питомцев, годами шлифуя их профессионализм, Баранников и Скворцов сумели создать лучшее следственное подразделение в республике. Его костяк составляли тридцати- тридцатипятилетние офицеры, прослужившие в органах по десять- пятнадцать лет, все с высшим юридическим образованием, все ещё достаточно молодые и полные сил, но уже опытные и закалённые службой. Всех этих ребят связывала между собой не только совместная служба, но и настоящая мужская дружба, постоянная готовность прийти друг другу на помощь. Собственно, на этом и держался следственный отдел в бурное постперестроечное время, когда размывались все понятия о чести и справедливости, когда шаталось и разваливалось некогда могучее государство, когда из всех щелей полезли жулики и бандиты всех мастей, когда общественное правосознание опустилось ниже уровня плинтуса, когда преступный промысел перестал быть занятием презренным и неуважаемым. Что же могло удержать на службе этих сильных, уверенных в себе мужиков, которые легко могли бы найти себе применение в более сытных и тёплых местах? Только осознание того, что своим уходом каждый из них «подставит» остальных, взвалив на их плечи свою часть ноши, и так уже совершенно непосильной. Только дружба, ответственность друг перед другом и чувство взаимовыручки сплачивали этих парней во всё ещё боеспособный и крепкий коллектив, неформальным лидером которого был Олег Островецкий.

Олег оглядел присутствующих и нахмурился. Состав собрания оптимизма не вызывал. – Вошёл уже, – улыбаясь, произнёс Рожков. – Присаживайся, Олег Семёнович.

Дружески- фамильярный тон начальника милиции ещё больше насторожил Олега. Так начальство себя ведёт, когда собирается сообщить о чём-то неприятном. Олег присел за приставной столик напротив прокурора. Тот ободряюще улыбнулся. «Ну, и в какую хрень я влип?» – подумал Олег, но развить эту «оптимистичную» мысль не успел.

– Олег, в городе ЧП! – голос полковника посуровел. – Ночью убит командир танкового полка полковник Митрофанов. Ты ведь с ним немного знаком?

Вот оно что. Чутьё не подвело. На него хотят повесить расследование «мокрухи». «Ну нет, уважаемые, меня так просто на кривой козе не объедете».

Олег поскрёб небритый подбородок и мрачно заявил:

– А я-то здесь при чём? Существует прокуратура Прибалтийского военного округа – вот пусть вояки этим и занимаются.

– Прошу заметить, что преступление совершено на территории города и по территориальности – это наша подследственность, – с лёгкой издёвкой заявил прокурор. – Прошу также обратить внимание на то, что ещё несколько месяцев назад, если товарищ майор запомнил, Латвия заявила о своей независимости. И советская армия в данный момент на территории республики имеет статус воинского контингента иностранного государства. Между прочим, в Латвии и за её пределами найдётся немало сил, которые захотят представить это убийство как теракт против советского офицера со всеми вытекающими отсюда последствиями.

– А если это действительно теракт? – Олег не собирался сдаваться.

– Тогда тем более, – перебил его прокурор, – мы должны раньше военных раскрыть это преступление и доказать, что власти республики в состоянии контролировать ситуацию в стране.

– Вот и раскрывайте, – Олег упрямо продолжал стоять на своём. – Убийство – это подследственность прокуратуры. Нет, конечно, если будет установлено, что убийство совершили малолетки, то мы, согласно УПК, заберём это дело к себе. А что, может быть, уже известно, что фигуранты – несовершеннолетние? Может, кто-то из них на трупе свой школьный дневник оставил? – Олег явно издевался.

– Знаешь что? Ты тут не ёрничай! – с досадой хлопнул ладонью о стол полковник Рожков.

Прокурор сделал успокаивающий жест в его сторону.

– Это прекрасно, что майор Островецкий так хорошо знает уголовно- процессуальный кодекс, – в голосе прокурора зазвучали металлические нотки. – В таком случае он должен знать, что в отдельных, исключительных случаях, в целях успешного раскрытия и расследования преступления прокурор имеет право поручить расследование другим правоохранительным органам. В данном случае – следственным органам милиции.

– В чём исключительность данного случая?

– В данный момент в городской прокуратуре нет следователя, способного возглавить следственно-оперативную группу. Мара Гигуле в декретном отпуске, Валдис Лицис в командировке в Риге – в бригаде по расследованию преступлений рижского ОМОНа. Лёня Коношенок – недавний стажёр, ему с таким не справиться. Он и так сейчас фактически работает за троих. Так что остаётся Вы, Олег Семёнович, – прокурор примирительно улыбнулся. – Я уже вынес постановление о назначении вас руководителем группы по расследованию данного преступления. Это согласовано с прокуратурой республики и следственным управлением МВД.

«Вот ведь как по-русски чешет, без малейшего акцента! И выражения какие изысканные – даже не скажешь, что латыш», – некстати подумал Олег. Он уже понял, что ему не отвертеться, но по инерции продолжал возмущаться.

– Нет, интересное дело. К то-то рождает, кто-то участвует в политических играх, а я должен за всех отдуваться!

Прокурор побагровел, глаза Рожкова метали громы и молнии.

– Успокойся, Олеж, – мягкий тон Баранникова разрядил наэлектризованную атмосферу в кабинете. – Дело решённое.

– И ты, Федотыч? – голосом умирающего Цезаря простонал Олег.

Впрочем, чего наезжать на старика? Несомненно, что он перед этим выдержал настоящий бой, пытаясь отмазаться от дела.

– Ладно, проехали, – к Олегу вернулось его обычное хладнокровие. – Как собираетесь помогать, господа начальники?

– Ну, первые несколько дней весь розыск будет работать на тебя, а затем, если не получится раскрыть по горячим следам, для оперативного сопровождения к тебе будет прикреплен капитан Долгоногов, – подал голос из своего кресла Кочетов.

– Да на нём материалов висит, как на собаке блох! – возмутился Олег.

– Все его материалы на время расследования разбросаем по остальным операм...

– ...Которые ни черта по ним не будут делать, а потом Долгоногов получит по штанам за волокиту, – перебил Олег.

– Не получит, учитывая сложившиеся обстоятельства и пролетарское происхождение Ояра! – весело воскликнул Шестаков. – Даю слово!

«Ну что же, – удовлетворённо подумал Олег, – Ояр Долгоногов, да ещё и свободный от других дел, это серьёзная подмога». Со старшим оперуполномоченным уголовного розыска капитаном милиции Долгоноговым его связывала давняя дружба. Между следствием и уголовным розыском испокон века существует скрытое соперничество и профессиональная ревность.

И те и другие считают именно себя милицейской элитой, отдавая, впрочем, дань уважения соперникам. Следователи уверены, что операм лишь бы поскорее сбагрить материалы в следствие, а дальше – хоть трава не расти. Качество материалов их не волнует. Опера же, в свою очередь, нередко пеняют следователям на излишнюю дотошность в расследовании, вследствие чего ясные и простые, с их точки зрения, дела порой не доходят до суда из-за отсутствия улик. Основной показатель работы уголовного розыска – это пресловутый процент раскрываемости. Для следователя же раскрываемость – дело важное, но не главное. На первом месте качество расследования. По делу должны быть собраны такие доказательства, чтобы ни у самого следователя, ни у прокурора, ни у адвоката, ни у судьи не возникло и тени сомнения в виновности обвиняемого. Эта разноречивость направления деятельности и порождает трения между двумя основными подразделениями милиции, что, однако, как правило, никак не сказывается на межличностных отношениях сотрудников. Опера и следователи обычно с большой долей симпатии относятся друг к другу, тем более что переход сотрудников из одной службы в другую – дело обыденное. Нередко эти симпатии перерастают в крепкую дружбу. Ну а подколки и шпильки в адрес коллег – это святое. Главное, чтобы соперничество не переросло в глубокий, затяжной конфликт. – С операми ясно. А что с транспортом? Вот на чём я сегодня поеду к месту преступления? На «Положении о советской милиции»? – не отказал себе в удовольствии съязвить Олег¹.

– Если ты намекаешь на мою «Волгу», то она на выезде. Как раз на убийстве с опергруппой, – Рожков довольно усмехнулся: что, не удалось, мол, подкузывать? – Бери прикреплённую машину, – полковник нажал клавишу селектора. – Дежурный, какая машина у нас сегодня прикреплена к отделу?

– Самосвал из АТП, – донёсся из селектора флегматичный голос дежурного.

– Да вы что!? Следователь прибывает к месту происшествия на самосвале?? – Олег с трудом сдерживал себя.

– А где я тебе возьму нормальный транспорт? – взорвался Рожков. – Половина машин в отделе на приколе, а то, что на ходу, ездит на честном слове – запчастей нет. Бензина двадцать литров в день на дежурную машину, десять – на остальные. Да что я тебе объясняю, как будто ты только на свет вылупился!? – полковник не мог успокоиться. – Это ещё счастье, что город помогает – присылают транспорт предприятий по разнарядке.

– А мне всё равно. Я могу и пешком. Только много я вам пешком наработаю...

– Ладно, – решил прекратить перепалку прокурор. – Сегодня возьмишь мою машину, а дальше что-либо придумаете.

– Я уже дал указание нашему водиле обслуживать в первую очередь тебя, – вступил в разговор Баранников. – Завтра машина выйдет из ремонта.

– Нужно будет – возьмишь нашу «копейку», – подал голос Шестаков. – Ладно, иди, работай.

– Как это – «иди, работай»? Я ещё не закончил.

– Вот нахал! Ну что ещё?

– На мне четыре дела. По домушникам я сегодня собирался обвинилровку писать.

– Сделаем так, – спокойно и рассудительно вступил в разговор Скворцов. – Передавать твои дела никому не будем – в них постороннему неделю разбираться. Продлевай все четыре дела. Думаю, прокурор нам в этой ситуации не откажет, – Лев Николаевич посмотрел на Тетериса.

Прокурор молча кивнул.

¹ В «Положении о советской милиции» было закреплено право сотрудников милиции бесплатно пользоваться общественным и попутным транспортом. Ссылаясь на него, милиционеры подтрунивали над неспособностью властей обеспечить правоохранительные органы служебным транспортом.

– Если возникнут неотложные следственные мероприятия, ребята прикроют, – продолжил Скворцов. – А там – либо раскроем, и ты вернёшься к текущим делам, либо «мокруха» зависнет, и ты опять-таки вернёшься к своим делам, либо вернутся прокурорские – передашь им дело и займёшься своими. Ферштейн?

– Ну да, либо осёл сдохнет, либо эмир, либо я, – вздохнул Олег. – Разрешите идти?

– Иди, – махнул рукой Рожков.

Олег молча кивнул присутствующим и вышел из кабинета.

– Сдал Островецкий, – Тетерис покачал головой. – Небрит, осунулся, вспылчив сверх меры. И раньше-то бывал несдержанным, а теперь...

– Ещё бы, такое пережить, – Скворцов встал с дивана и подошёл к окну. Затем, повернувшись ко всем, с некоторым вызовом добавил: – Но можете не беспокоиться. Олег профессионал, следователь от бога! Он в любом состоянии будет рыть до упора.

– Добро, все свободны, – подытожил полковник Рожков.

Олег подждал Кочетова и Шестакова в коридоре около кабинета начальника уголовного розыска.

– Ты ещё не уехал? – удивился Кочетов.

– Нет, позвонил из дежурки, чтобы до моего приезда ничего не трогали. Уже не горит. Пошли в Володькин кабинет, перекинемся парой слов.

Все трое зашли в кабинет Шестакова.

– Сообщите, что на данный момент известно по делу и что уже сделано. А то от боссов шума много, а толку мало, – Олег уселся на край стола и приготовился слушать.

Шестаков сел за стол в своё потёртое кресло, а Кочетов принялся неторопливо ходить взад-вперёд по кабинету, собираясь с мыслями.

– Значит так, Митрофанов был убит ударом ножа где-то между двенадцатью и двумя часами ночи на подъездных путях к порту. Более подробно не знаю – опергруппа ещё работает, материалов пока не видел, – Кочетов формулировал чётко и лаконично. – Труп обнаружили докеры – шли в порт на внеплановую разгрузку судна. Это было примерно в 5.30 утра. Позвонили в дежурку с проходной порта в 5.35. Время зафиксировано. Дежурный сработал чётко: отправил на место опергруппу, быстро нашёл и доставил к месту прокурорского, криминалиста и судмедэксперта, а главное – перекрыл нарядами ГАИ липайскую и рижскую трассы и сориентировал «линейщиков»².

– А на что он их ориентировал? Ведь ещё ничего о преступнике не знаем.

– Ориентировал грамотно. Гаишникам – сплошную проверку всех автомашин, выезжающих из города, и досмотр всех, кто там находится. Всех подозрительных или без документов доставлять в отдел. Весь «подшефный» криминальный элемент – в отдел. Остальных – переписывать. Списки привезут позднее. Кстати, приказ о сплошной проверке действует до сих пор.

– Хорошо, пусть продолжают.

– Транспортники тоже сработали чётко. Они успели проверить утренние пассажирские поезда. Не сплошняком, конечно, но у всех подозрительных проверяли документы. Списки нам передадут.

– Автовокзал?

– Помдеж с пэпээсниками проверяли всех отъезжающих. Наряд ППС и сейчас там.

– К ого-нибудь доставляли в отдел?

– Нет, у всех были документы. Никто из «подшефных» в наше поле зрения также не попадал.

– Ладушки, – Олег задумался. – В общем, со значительной долей уверенности можно предположить, что он ещё в городе, если не ушёл до 6.00.

² «Линейщики» – сотрудники линейных подразделений (милиц, сленг).

– До 5.50, – уточнил Кочетов. – В это время гаишники перекрыли липайскую трассу.

– А рижскую?

– А там они стояли по плану.

– Что по агентуре?

– К вечеру постараемся активизировать всех, кого возможно.

– Хорошо, – Олег повернулся к Шестакову. – Володя, организуй поквартирный обход близлежащих кварталов.

– Зачем? – изумился Шестаков. – Жилая застройка достаточно далеко от места преступления. Да у меня и людей на это нет.

– Володь, привыкай думать шире, согласно занимаемому креслу! Привлеки участковых, внештатников. И пусть всё фиксируют протоколами объяснений. Чует моё сердце: ещё наплачемся мы с этим делом. Если в ближайшее время не дадим результат – ждите проверок. И первые, кто получит по штанам, это вы, господа сыскные начальники. Так что лишняя макулатура в деле не повредит. Может, повезёт и кто-то видел что-либо подозрительное. Да, вот ещё что: около гостиницы «Волна» недавно открылся круглосуточный винно-водочный магазин. Надо опросить всех завсегдатаев, продавца ночной смены, охранника и установить, кто там был ночью. Опросить всех под протокол!

– Ты думаешь, это что-то даст?

– На девяносто девять процентов – нет, но отработать этот кусок нужно. И подключи к делу Сашку Сидоренко.

– Точно! Он ведь сейчас замначальника ВОХРа порта.

– Вот и напряги бывшего коллегу. Пусть пошустрит. Может, кто-то что-то видел? Или кто-нибудь из работяг бегал ночью за поддачей в винно-водочный. Сашка был толковым опером. Что-то да накопает.

– Я попытаюсь поговорить с особистами. Может, они что-нибудь подскажут? – задумчиво произнёс Кочетов.

– Добро, я – на место. В семь вечера соберите всех оперов, подберём бабки и определимся с версиями, – Олег за руку попрощался с сыскарями и покинул кабинет.

– Шикуюшь, братка! На прокурорской «Волге» раскатываешь, – Ояр Долгоногов заключил друга в объятия.

Рядом с могучим баскетбольного роста блондином отнюдь не маленький Олег казался подростком. Островецкий огляделся. Метрах в сорока от проезжей части дороги, где остановил машину водитель прокуратуры, на железнодорожных путях ничком лежал человек в военной форме. Вокруг него деловито сновали люди: кто-то что-то писал, кто-то фотографировал, кто-то что-то измерял...

«Рутина, – подумал Олег. – Человек погиб, а все спокойны и деловиты, как будто не на месте убийства, а на каком-нибудь производстве. А с другой стороны, только так и можно добиться результата, относясь отстранённо, даже несколько цинично к происходящему. Эмоции в нашем деле не помощники».

Рядом с синей прокурорской «Волгой», на которой приехал Олег, стояла белая «Волга» начальника милиции. Водитель – старшина Козуб – сладко спал, откинув сиденье.

– Во кадр, – усмехнулся Олег. – Дрыхнет без задних ног.

– А что ему? Опергруппу привёз, следака и экспертов привёз. Он своё дело сделал.

– Мог бы помочь пэпээсникам в оцеплении. Те, бедняги, уже запарились, я гляжу, народ отгонять.

– Счас! – Ояр саркастически усмехнулся. – Его благородие возит начальственное тело, к нему на лисапете не подкатишь. Я его попросил два часа назад за куревом смотаться, так он меня фигурально послал. Хотел ему по ушам съездить, так ведь побежит жаловаться шефу.

Да и не будешь же его «воспитывать» при всех. Ты, кстати, не прихватил покурить? А, забыл, ты же бросил...

– Кстати, прихватил. Заскочил в кабинет перед отъездом и взял пачку «зэковских».

Так назывались дешёвые сигареты, которые всегда находятся в столе мало-мальски уважающего себя опера или следователя. Ими обычно угощают подсудимых. Иногда дают с собой в камеру. Сигареты с фильтром в камеру в любом случае не пропускают.

Были случаи, когда ушлые «зэки», расплавив на огне фильтр и заточив его, пытались вскрыть себе вены...

– Кури, чтоб на тебе уже шерсть курилась! – пошутил Олег. Он, с тех пор как бросил курить, вёл непримиримую борьбу с друзьями, пытаясь отучить их от вредной привычки.

Олег протянул Ояру пачку «Примы».

– Ну, спасибо! – возликовал тот. – Я всегда знал, что ты настоящий друг! Остальные – просто товарищи. Пошли к месту?

– Подожди, – Олег подошёл к машине начальника милиции, открыл дверцу и резко встряхнул за плечо спящего водителя.

– Ну что такое?... – недовольно прогундосил спросонья старшина. – А, товарищ майор... – Козуб потянулся. – Чего вы хотели?

– Возьмёшь у меня деньги, поедешь в магазин, купишь капитану Долгоногову хороших сигарет: «Элиту» или «Ригу». Затем встанешь в очередь помогать пэпээсникам, – прошипел Олег, едва сдерживаясь от злости.

– Ещё чего... – договорить Козуб не успел. Мощная рука схватила его за шею, большой палец впился в ямку возле мочки уха. Второй рукой Олег, словно клещами, прихватил за запястье руку старшины. Козуб взвыл от боли.

– Я надеюсь, приказ понятен? – ласково улыбнулся Олег.

Козуб мотнул головой. Олег поймал на себе одобрительный взгляд стоявшего неподалёку сержанта ППС.

– Тогда Рексом дуй в магазин! – Олег бросил на колени Козубу деньги и пошёл прочь от машины.

«Волга» резко рванула с места.

– Из тебя бы вышел отличный воспитатель, – расплылся в довольной улыбке Ояр.

В сопровождении Долгоногова Олег подошёл к месту убийства. Поздоровавшись со всеми присутствующими за руку, Островецкий внимательно осмотрелся, пытаясь зафиксировать в памяти детали: мало ли что когда-нибудь всплывёт. Олег по опыту знал: чем дотошнее работаешь на месте преступления, тем легче потом работать на раскрытие и доказывание.

Погибший лежал на боку между рельсами в луже крови. Левая рука находилась на рельсах. Ноги согнуты в коленях. На кителе, чуть ниже орденских планок, – пятно запекшейся крови.

От места трагедии до автодороги, ведущей в порт, было чуть больше сорока метров. До жилого массива – около четырёхсот метров. Метрах в двадцати от трупа располагались опоры пешеходного перехода, ещё дальше – забор, огораживающий территорию порта. Примерно в ста метрах от места происшествия, за забором, находилась вышка портовой охраны.

– Оттуда место преступления плохо видно, мостик мешает, – перехватил взгляд Олега Ояр. – Да и не дежурил там ночью никто. Я справлялся, у них людей в охране не хватает, – со вздохом сообщил он.

– Ну, вот и будет нам место, когда попрут из ментовки, – мрачно пошутил Олег.

Он взял из рук недавнего стажёра прокуратуры Коношонка протокол осмотра места происшествия и углубился в чтение. Лёня Коношонков, тоненький двадцатитрёхлетний парнишка, недавний выпускник юрфака, восторженно смотрел на майора. Близко они не были знакомы, но Лёня много слышал о ментовском «важняке» и невольно старался походить на него.

– Ну что ж, толково, очень толково, – одобрил Олег, возвращая протокол Коношонку. Протокол действительно был составлен очень подробно и грамотно. «А со временем из пацана получится хороший следователь!» – подумал Олег.

– Только вот заниматься теперь этим делом придётся мне, – сообщил он.

– Я бы и сам справился! – обидчиво воскликнул Лёня.

Все невольно улыбнулись.

– Не сомневаюсь, – усмехнулся Олег. – Ещё бы убедить в этом твоего шефа.

Лёня понуро потупился.

– Да не расстраивайся ты, – Островецкий дружески потрепал парня за плечо. – На твой век этого дерьма ещё хватит – черпаком не перехлабаешь.

Ояр подмигнул Лёне: внимай, мол, начальству.

– Ну, что ещё скажете хренового? – обратился Олег к присутствующим. – Улдис, давай с тебя начнём.

Ровесник Островецкого судмедэксперт Улдис Боярс задумчиво потербил густую рыжевату ю бороду.

– Значит так, убийство было совершено между двенадцатью и двумя часами ночи, – Боярс говорил с тяжёлым латышским акцентом, но правильно, грамотно формулируя предложения. Сказывался многолетний опыт составления заключений судмедэкспертиз.

– Удар был нанесён точно в сердце колющим предметом, предположительно ножом или кинжалом шириной около трёх сантиметров. Думаю, что смерть наступила мгновенно. Более конкретно – после вскрытия.

– Что по ножу? Нашли?

– Нет, – откликнулся Долгоногов. – Прошлись по спирали метров пятьдесят, но ничего не нашли.

– Та-ак... Передашь Шестакову, чтобы попросил у танкистов взвод солдат и организовал сплошное прочёсывание прилегающей местности. Ответственным пусть назначит кого-либо из участковых.

– Саныч, что у тебя? – Олег перевёл взгляд на криминалиста.

Старший эксперт-криминалист подполковник милиции Юрий Александрович Косенков был одним из лучших в республике специалистов. Нередко его приглашали для проведения экспертиз и семинаров в другие районы, с его мнением считались даже в ЭКО МВД³. Собственно, и подполковника-то он, находясь на майорской должности, получил в виде исключения, как признание его служебных заслуг. Худощавый, сутуловатый сорокапятилетний Юрий Александрович невольно симпатизировал атлетам Ояру и Олегу, чем Островецкий частенько беспардонно пользовался, упрашивая Саныча сделать экспертизу по своим делам вне очереди.

– Олежа, – Косенков смотрел на Островецкого снизу вверх, – во-первых, уже два раза прибегали из порта: им надо пропустить состав под погрузку – судно простаивает.

– Перебьются, не каждый день на их путях людей убивают. А что – во-вторых?

– Судя по порезу ткани на кителе, удар ножом был нанесён с доворотом.

– А ты что – этого не видел? – Олег нехорошо посмотрел на Боярса.

– А я неживую ткань не исследую, моё дело – живая ткань, – бесстрастно парировал Улдис.

– Живая ли? – съехидничал Олег.

– Я же сказал, что все подробности – после вскрытия. Островецкий, я поеду к себе. Здесь мне уже нечего делать, а в морге работа стоит...

Все дружно прыснули. Улдис насупился, поняв, что сморозил чепуху и теперь его высказывание в анекдотическом виде будет гулять по отделу.

³ ЭКО МВД – экспертно-криминалистический отдел министерства внутренних дел.

– Ладно, – примирительно улыбнулся Олег. – Возьми Козуба – он тебя довезёт. И передай ему, чтобы возвращался сюда. Не приведи Господь, он поедет в отдел сменяться – я ему тогда ноги выдерну!

– Олег, а почему ты не спрашиваешь про собачку?

– Ояр, если бы собака что-то нашла, ты бы уже давно сказал, так? Значит, не нашла...

– И да, и нет. Собакевич с собакой уже прибыли. Костя же живёт неподалёку...

Олег улыбнулся невольному каламбуру. Инспектор-кинолог по странному стечению обстоятельств действительно носил фамилию Собакевич. Своих питомцев он любил самозабвенно. Семь раз с очередным «подопечным» выигрывал первенство МВД СССР по служебному собаководству. Передвигался на закреплённом служебном мотоцикле с коляской. В коляске всегда сидел огромный пёс. На первый взгляд, всё это выглядело довольно комично, но хулиганствующим подросткам, пьяницам и прочим нарушителям общественного порядка было не до смеха, когда Костя с «пассажиром» подруливал к ним.

– Так вот, собака взяла след до жилого массива, там замешкалась, а вот по обратному следу привела...

– ...к опоре моста, – закончил фразу Олег.

– Ну, с тобой неинтересно, – разочарованно произнёс Ояр.

– Да просто это единственное место, где нападавший мог скрытно поджидать свою жертву. Не от КПП же он его вёл. Это ведь почти километр...

Олег, Косенков и Ояр подошли к опоре моста. С противоположной путям стороны в грунте отпечатались следы обуви. Олег присел на корточки. Некоторые следы были довольно отчётливыми. Рядом валялись несколько окурков от папирос «Север».

– Похоже на кроссовки, да, Саныч? – указал Олег рукой на следы.

– Скорее всего. Я их уже сфотографировал, ждали тебя, чтобы ты посмотрел. Теперь сделаю парочку гипсовых слепков.

– Возьми сначала пробу на одорологию⁴.

– Зачем? Хочешь опять попасть в историю с Собакевичем? – хохотнул Косенков.

Все улыбнулись, вспомнив события двухлетней давности. Тогда Олег расследовал дело о разбойном нападении на кооперативный магазин. Преступник в маске, угрожая топором, отобрал у продавщицы выручку и скрылся. Маску нашли неподалёку в урне с мусором. Олег тогда изъясил маску и упаковал в герметическую стеклянную банку. Через три дня отморозка вычислили и задержали. На допросе он вёл себя дерзко и вызывающе, понимая, что у милиции на него ничего нет. И тогда Олег решил устроить одорологическую выборку. Доказательством она, конечно, не является (собачку ведь не привлечёшь за заведомо ложные показания). Но как психологический момент давления на подозреваемого – может прокатить. А если устроить несколько выборок с разным составом подставных и разными собаками, то отмахнуться от этого и суд вряд ли решится. Выборку решили проводить во дворе отдела. Поглазеть на любопытное зрелище собрались почти все свободные от несения службы сотрудники. В толпе уже заключали пари: опознает – не опознает. В присутствии понятых вывели шестерых одетых в штатское сотрудников, игравших роль подставных, и подозреваемого. Всех семерых Олег выстроил в ряд, подозреваемого поставил в середину. Тот нагло и самодовольно ухмылялся. Но вмиг притих, когда увидел Собакевича с огромным псом по кличке Север на поводке. Гопник⁵ судорожно сглотнул. Костя извлёк из запечатанной банки маску, дал её понюхать собаке, после чего они медленно пошли вдоль строя. Поравнявшись с подозреваемым, Север остановился, шумно втянул ноздрями воздух и, зарывав, встал на дыбы. Восьмидесятидвухкилограммовый

⁴ Одорология – изучение и различение запахов.

⁵ Гопник – разбойник, налётчик (жарг.)

чемпион Союза Север, стоя на задних лапах, был выше подозреваемого почти на полголовы. Передними лапами он пытался опереться на гопника, огромная, страшная пасть пса ощерилась в злобном, больше похожем на тигриный рык, лае. Костя с трудом удерживал собаку. Гопник в ужасе пытался отшатнуться от клацающих в нескольких сантиметрах от его головы страшных зубов, но крепкие руки оперативников удерживали его на месте.

– Уберите собаку, я всё расскажу! – завизжал он. И тут все увидели, как из его штанины потекла струйка. Минутой ранее дерзкий налётчик, «крутой пацан» – просто описался.

Когда гопника увели, Олег обнял Костю:

– Ну, твой Север – молодец! Классно сработал!

– Ага, тем более что перед этим козлом я его слегка поддёрнул на стойку, – довольно улыбнулся Костя.

Присутствующие еле сдерживались от хохота. А Олегу было не до смеха: от чистоты эксперимента не осталось и следа.

– Если бы не твой зверюган, я бы тебе рожу начистил! – Олег поднёс кулак к Костиному носу.

«Зверюган» спокойно и мирно сидел на задних лапах, отвернув морду в сторону. Я, мол, тут ни при чём.

Налётчик всего этого, естественно, не знал и на допросе «пел соловьём»⁶. Подробно, в деталях рассказал о преступлении, выдал похищенные деньги и отправился на законные шесть лет на нары. Но воспоминания об этом казусе до сих пор вызывали смех и улыбки в отделе.

– Саныч, бери пробу, – подтвердил свою просьбу Олег. – Дело гнилое, и надо собрать максимум материала по нему. Чует моё сердце: скоро нагрянут «помогающие- проверяющие», замаемся справки писать.

– Как скажешь, – эксперт достал из чемоданчика стеклянную герметически закрывающуюся банку и, вынув оттуда кусочек фланелевой ткани, наложил его на наиболее четкий след. Затем развел в пластиковой посудине гипс и вылил немного в соседний след. Наломав найденных рядом тоненьких хворостин, Саныч крест- накрест положил их на подсыхающий слепок и долил оставшийся раствор. Ояр и Олег молча наблюдали за его манипуляциями.

– Ну вот, а второй слепок сделаю минут через двадцать, когда фланелька пропитается запахом, – удовлетворённо произнёс Косенков.

– Не забудь дать понятым подписать, когда запечатаешь банку, – напомнил Олег. – И окурочки обязательно собери. Кстати, сколько их?

– Пять, и посмотри, какие интересные, – Саныч пинцетом подцепил один из окурков. – Видишь, какой прикус? Похоже, один зуб сколот.

– Значит, у преступника сколот передний зуб, – задумчиво произнёс Ояр.

– Не передний, тоже мне, курец, – поправил Олег. – Ты, когда куришь, сжимаешь сигарету передними зубами? Нет, клыками справа или слева.

– Ну, обычно, если правша – справа, а, если левша – слева. Судя по удару, наш убийца – правша, следовательно, можно предположить, что правый клык у него сколот, – менторским тоном поправил Косенков.

– Спасибо Вам за науку, господин профессор, – шутливо поклонился Олег. – Интересно, а почему папиросы? Несовременно как-то. Сейчас все курят сигареты. Слушай, Саныч, может, он туда «косяк» загонял?

– Проверю, – отозвался Косенков. Обернувшись на звук приближающихся шагов, Олег увидел торопливо шагающего по шпалам белобрысого парня лет двадцати пяти в милицейской форме.

⁶ «Петь соловьём» – признаваться в совершении преступления (жарг.).

– О-о, Женька Венский, участковый! Он со мной сегодня в опергруппе, – Ояр махнул рукой, подзывая лейтенанта к себе. – Я его в полк посылал, «перебазарить» на КПП с дежурным нарядом.

– Товарищ майор, – запыхавшийся лейтенант попытался козырнуть.

– Перестань, Жень, – остановил его Олег. – Отдышись и спокойно докладывай.

Лейтенант нравился ему, напоминал самого Островецкого десять лет назад. Не внешностью, конечно, а вдумчивостью и рассудительностью, решимостью, если надо, полезть на рожон за правое дело. Участок Венского находился в пригородном посёлке, и Олег знал, что молодой лейтенант пользуется уважением у местных жителей, чему немало способствовало его отличное владение латышским языком. Вообще-то, Олег немного по-хорошему завидовал Ояру и Женьке. Наполовину латыши, оба прекрасно владели и латышским, и русским. Олег же, будучи приезжим, латышский знал не очень хорошо. По его инициативе в отделе были открыты вечерние курсы по изучению латышского языка, но посещать их Олегу доводилось редко. Следственная работа мало способствовала стабильной учёбе на курсах.

«Охломоны, – мысленно выругался Олег в адрес начальства. – Хотят, чтобы люди знали латышский, но ничего для этого не делают». Он уже не раз на совещаниях различного уровня предлагал открыть в Риге при школе милиции централизованные курсы изучения латышского языка, где сотрудники со всей республики могли бы заниматься с отрывом от службы. Ведь процент хорошо владеющих латышским языком в Риге и крупных городах республики катастрофически низок. С ним соглашались. На одном из совещаний замминистра даже поручил своему помощнику проработать вопрос, но дело с места не двигалось. Собственный уровень владения латышским языком не устраивал Олега. Нет, он мог, конечно, общаться с людьми, разговаривать, но вести судопроизводство на латышском ему было не по силам. А самостоятельно изучать язык не было никакой физической возможности. Даже посещать вечерние курсы практически не удавалось.

Венский достал из кожаной папки протоколы объяснений и протянул их Олегу.

– Молодец, что всё записал! – похвалил Олег. – А теперь – главное, своими словами.

– Опросил дежурного по КПП и его помощника. Оба утверждают, что полковник покинул расположение части в начале первого ночи. Был в прекрасном расположении духа. При нём был кожаный кейс. Ушёл пешком, машину не вызывал. Если коротко, то всё. И вот ещё что: может, это вас заинтересует... – лейтенант немного замялся. – В общем, когда я заканчивал принимать объяснения от помдежа, появился майор-особист. Он повёл себя как-то странно: запретил солдатам давать показания и сказал, что впредь общаться с кем-либо из военнослужащих части мы будем только в его присутствии.

– Ты что-нибудь понимаешь? – Олег перевёл взгляд на Ояра. – Мы расследуем убийство его командира, а он, вместо помощи, собирается вставлять нам палки в колёса. В любом случае, ты вдвойне молодец, что записал их показания с подписями, – Олег похлопал Женьку по плечу.

– Но кейса-то при покойнике не оказалось, как, впрочем, и бумажника. Часы и кольца тоже отсутствуют... – Ояр с высоты своего роста обвёл взглядом присутствующих. – Допустим, колец могло и не быть, он всё-таки офицер, а не балерун какой-нибудь. Но часы-то должны были быть, именно потому, что офицер.

– Думаешь, ограбление? – спросил Олег.

– Поживём – увидим.

Олег отвёл Ояра в сторону.

– Сделаем так: заканчивай здесь, полковника отправь в морг Улдису, а сам с Женькой дуй в адрес и опроси жену полковника...

– Вдову, – мрачно поправил Ояр.

– Вдову, – вздохнул Олег. – Ей, конечно, уже сообщили о смерти мужа, но посмотри всё же на её реакцию, обстановку в доме... Сам знаешь. Да, и возьми с собой «писателя», – Олег

кивнул в сторону корпевшего над протоколом осмотра Коношонка. – Пусть он записывает, а ты слушай, смотри и запоминай. О полковнике и его семье надо узнать как можно больше.

– А ты куда?

– Наведаюсь к соседу, Ильичу. Он ведь служит... служил вместе с покойным. Очень мне интересно его мнение.

– Так ведь особысты не дают ни с кем поговорить.

– Ильич сейчас в отгуле. Он поехал к себе на дачу, я его утром встретил около дома. Постараемся управиться, в семь в кабинете Шестакова оперативка.

Олег попрощался с Долгоноговым за руку и пошёл к машине.

Сосед Островецкого по дому подполковник Ионов занимал должность командира танкового батальона. Это был опытный и честный боевой офицер. Ему недавно стукнуло сорок два года, и подполковник уже стал всерьёз подумывать о пенсии. Он приобрёл дачку, где проводил всё свободное от службы время. Двадцать пять лет службы: училище, дальние гарнизоны, Афганистан – не оставили в нём никаких иллюзий по поводу порядков в армии. Из Афгана Ильич вернулся с двумя орденами Красной Звезды. Казалось бы, дважды орденосцу, имеющему колоссальный опыт боевому офицеру открыты все дороги для карьерного роста.

Ан, нет... Его назначили на должность комбата, что не соответствовало его подполковничьему званию, и направили служить в этот маленький прибалтийский городок. Карьера этого честного, отважного офицера не задалась, а причиной этого во многом был характер Ильича. Он органически не выносил лжи, не умел, да и не хотел приспособливаться к начальству.

«Для лизания начальственного зада у меня язык слишком шершавый», – любил пошутить Ильич за рюмкой водки. К спиртному он относился трепетно, но без фанатизма, обожая сам процесс, но не его последствия. Со временем Ильич пристрастился и к другим, сопутствующим выпивке, занятиям: охоте и рыбалке. Служебные дела интересовали его всё меньше, но, несмотря на это, он пользовался непререкаемым авторитетом в полку. Молодые офицеры искали у него совета и защиты. Ильич и раньше конфликтовал с начальством, а теперь, выслужив положенный срок и имея возможность уйти на пенсию, вообще перестал обращать внимание на начальственный гнев, с удовольствием «доставая» командиров. Строптивного комбата недолюбливали в полку, в дивизии тоже не очень жаловали, но поделаться с ним ничего не могли – вышибить из армии боевого, заслуженного офицера-орденосца было непросто.

Олега Островецкого Ильич любил, чувствуя в нём родственную душу. Олег платил ему тем же. А общее афганское прошлое лишь добавляло им взаимного уважения.

– Ну, здорово! – невысокий, коренастый Ильич приобнял Олега. – Молодец, что приехал. Сейчас замариную шашлычок...

– Не до шашлыков, Ильич. Надо поговорить.

– Знать ничего не хочу! Ты посмотри на себя. Осунулся, рожа небритая, жрёшь что попало. Хочешь «орден сутулого» заработать? Плюнь ты на свои ментовские заморочки. Всё равно всех дел не переделаешь. Бери пример с меня. Я на службу давно «забил», взял отгул – и на дачку. Выйду на пенсию, хочу здесь обосноваться. Я ведь полстраны объехал, тринадцать гарнизонов за двадцать один год, не считая Афгана. А в Латвии нравится больше всего. За четыре года было время прикипеть, – своей словоохотливостью Ильич пытался погасить нарастающую тревогу.

– Олежа, что-то случилось?

– Случилось. Убили твоего командира!

Лицо Иопова посуровело, на скулах заиграли желваки.

– Проходи, садись за стол под яблоней. Я сейчас, – Ильич скрылся в дачном домике.

Олег сел за стол и огляделся. Ильич купил этот участок в апреле. Тогда он был неухоженным, домик обшарпанный, забор покосился. А сейчас – домик свежевыкрашен, новый ровненький штакетник, всё благоухает.

«Видимо, Ильич действительно большую часть времени проводит здесь, а не в полку. Да и то, он уже своё отслужил и отвоевал. Пусть теперь другие тянут эту лямку», – подумал Олег.

Он вспомнил, как четыре месяца назад они перевозили Ильича на дачу, а потом устроили новоселье. Все прилично выпили, веселились, танцы под магнитофон, песни под гитару. Алёнка танцевала с его друзьями и показывала ему язык, а в «отместку» ей жёны друзей обнимали Олега и, шутя, грозились отбить её красавчика. Все смеялись, рассказывали анекдоты, гитара ходила по кругу. ...Боже, это было всего четыре месяца назад, а кажется, что в прошлой жизни.

Из домика вышел Ильич, неся в руках запотевшую бутылку водки, два стакана и большую миску, с крупно порезанными колбасой и солёными огурцами. Сверху лежали несколько перьев зелёного лука и буханка хлеба.

– Давай, выпьем за полковника.

– Ильич, мне ещё сегодня работать...

– Ничего, не помешает. Зови водилу.

– Нет, – твёрдо сказал Олег. – Ему ещё весь день возить моё драгоценное тело.

– Тогда, пусть поест.

– Я ему потом отнесу, когда буду уходить.

Ильич понял, что Олег хочет поговорить с ним с глазу на глаз, и не стал возражать. Налил по полстакана водки. Молча, не чокаясь, выпили. Ильич отломил от буханки большой ломоть хлеба, положил на него увесистый кусок колбасы, перо лука и огурец.

– Ешь, смотреть на тебя тошно... – он протянул бутерброд Олегу. Затем стал сооружать себе то же самое.

Олег нехотя откусил от бутерброда. Аппетита не было...

Ильич грозно нахмурился:

– Жри и рассказывай!

Тот коротко рассказал об убийстве Митрофанова.

– От меня-то ты чего хочешь? – хмуро спросил Ильич.

– Расскажи всё, что знаешь о полковнике и его семье.

– Ну, о покойнике или хорошо, или...

– Не тот случай, – перебил Олег. – Это убийство. Так что рассказывай всё: и хорошее, и плохое.

– Понял... – Ильич ненадолго задумался, собираясь с мыслями. – Митрофанов, – начал он, – тогда ещё подполковник, был назначен к нам командиром полка год назад. Сразу же получил полковника. Вообще-то, когда увольнялся на пенсию прежний комполка, на эту должность прочили его зама, подполковника Яковлева. А твоего покорного слугу хотели назначить замом. И тут вдруг прислали Митрофанова, служившего замкомполка в Подмосковье. Всё, естественно, застопорилось. Мне-то, как ты понимаешь, вся эта возня уже давно по барабану, а Яковлев, помню, тогда обиделся жутко. Напился и кричал, как его заколебали эти «блатные».

– И как Яковлев встретил Митрофанова?

– Да нормально встретил. Они потом вроде бы сдружились. Вместе не охоту, на рыбалочку, все праздники сообща отмечали. Жёны их подружились. Так что внешне всё было тип-топ. А как на самом деле Яковлев относился к полковнику – кто ж его знает?

– А мог Яковлев от обиды «замочить» Митрофанова?

– Да ты что, Олега! Если бы все обиженные, кого обошли по службе, стали бы «мочить» обидчиков, в армии бы офицеров не осталось. Половина в могиле, вторая половина – в тюрьме.

– Не скажи, не скажи. К то-то, как ты, плюнет на это – мол, не за чины и награды служим. А кто-то очень желает выстроить свою карьеру, но его постоянно обходят чьи-то сыны, племянники, внуки, зятья и так далее. Накапливается обида, перерастает в ненависть, а там и до беды недалеко.

– Ну, не знаю. Это ты у нас по таким делам спец. Так вот, Яковлев – мужик скрытный, дружбу ни с кем особо не водит. Он, знаешь, из породы тех, кто дружит только с начальством, а с подчинёнными всегда держит дистанцию. Митрофанов был такой же, только ещё и с барскими замашками. Ну откуда это в деревенском парне?! Не иначе, влияние тестя. Я его как-то подколот, типа: быстро ты забыл, как коров в деревне пас. Так он на меня потом месяц волком глядел, даже по службе пытался ущипнуть.

– Но вы же оба «афганцы». Неужели не сошлись на этой почве?

– Да я поначалу попытался с ним сдружиться. Зашёл к нему в кабинет с «пузырём». Нет, он выпил со мной, посидел, но, как бы это тебе объяснить: я чётко понял, что никакой дружбы, никакого «афганского братства» не будет. Гусь свинье не товарищ! – Ильич невесело усмехнулся. – Да и были мы там в разное время и в разных местах. Я закончил службу в Афгане в восемьдесят седьмом, а он – в восемьдесят восьмом. Я был комбатом под Кандагаром, а он – начштаба полка в Герате. Там мы с ним никак не пересекались.

– Ясно, а орден у него за что?

– Не знаю. Если бы за конкретное дело, думаю, он бы рассказал. Может, по совокупности служебных заслуг. Там иногда давали штабным на выход. Не знаю...

– А семья?

– Семья у него хорошая. Жена Татьяна – баба небалованная, добрая, и не скажешь, что генеральская дочка. Вот смотри, генерал дочку хорошо воспитал, а из зятя сноб прёт... пёр, хотя вроде бы должно было быть наоборот. Танька его очень любила, а вот Петька, похоже, женился на погонах тестя. Нет, – Ильич перехватил вопрошающий взгляд Олега, – внешне всё было благопристойно. Они никогда не ругались, во всяком случае, на людях. Но – я не знаю, как объяснить: чувствовалось, что он к ней равнодушен.

– У него кто-то был на стороне?

– Не знаю, мне ничего об этом не известно. Хотя... Ты знаешь, месяц назад я был у Димки Пашкевича на дне рождения дочери. Погуляли, выпили...

– Ну? – нетерпеливо перебил Олег.

– Так вот, стало быть, когда я уходил от Димки, уже ночь была. Я вышел из подъезда, а в соседний подъезд шмыгнул Митрофанов. Я ещё подумал: куда он прётся ночью?

– И что?

– А ничего. Просто в этом подъезде живёт мой ротный – капитан Татаринцев с женой. Я ещё тогда удивился: странно, Татаринцев на полигоне, а Митрофанов к нему в гости намылился.

– А почему ты решил, что к Татаринцевым? В подъезде же пятнадцать-двадцать квартир?

– Пятнадцать, вот только из наших там живёт только семья Татаринцева.

– Ну и что, может, он к кому-либо другому пошёл?

– Тогда я тоже так подумал. А вот теперь прикинул: смотри, Татаринцев недавно получил капитана до срока. За какие такие заслуги? Офицер он посредственный, звёзд с неба не хватает. Зато его рота чаще всех выходит на полигон. Митрофанов подшучивал: будем, мол, из твоего ротного делать образцового офицера.

– Что, думаешь, дошутился? – Ильич взглянул на Олега уже довольно осоловевшими глазами. – Да нет, куда ему? Кишка тонка. Олеж, давай ещё по одной!

– Нет, – Олег решительно накрыл ладонью свой стакан. – Мне ещё пахать.

– Ага, мы пахали – я и трактор. Бросаешь, значит, старого друга на произвол судьбы? – нарочито слезливым тоном заныл Ильич.

– Не на произвол судьбы, а в ласковые руки «пузыря». Вот погоди, зайвится на дачу Ольга, она тебе вставит по самое некуда...

– Что?! Да я держу жену вот где! – Ильич сжал кулак и затряс им.

Олег встал, отрезал от истерзанной буханки аккуратный ломоть хлеба, выбрал из миски более или менее приличный кусок колбасы, тонко порезал огурчик и сложил бутерброд.

– Водиле, – пояснил он недоуменно глазеющему на него Ильичу. – Ну, бывай, – Олег обнял друга и пошёл к машине.

– Ешь, – сунул он бутерброд водителю. – В отдел. Водитель молча ответил благодарным кивком.

Ояр Долгоногов сидел в просторном салоне квартиры Митрофановых в мягком кожаном кресле напротив хозяйки. Рядом на диване расположились Венский и Коношенок. Венский задавал вопросы, в Коношенок записывал всё в протокол допроса потерпевшего. Островецкий потом вынесет все нужные постановления, а пока можно допросить Митрофанову сразу под протокол. Если нужно будет, Олег её потом передопросит.

Татьяна была одета в простенький домашний халатик, который постоянно натягивала на соблазнительные круглые колени. На её миловидном лице с припухшими от слёз глазами застыло недоумение: как же это вдруг такое могло произойти со мной? Кто посмел вторгнуться в мой уютный, спокойный мир?

О гибели мужа ей сообщили несколько часов назад замполит и начштаба полка. Поэтому первая волна истерики миновала Долгоногова с товарищами. Они пришли позже, когда Митрофанова уже немного успокоилась и могла более или менее внятно отвечать на вопросы. Коношенок уже дописывал четвёртую страницу, но интересного там было мало. Разве что, когда полковник уходил из дома, то при нём был дорогой кожаный кейс с какими-то бумагами, с которыми он накануне вечером работал в кабинете. Также при нём были бумажник и часы. Точную сумму денег в бумажнике она не знает, а вот часы – «командирские», да не те простые, которые можно купить в любом магазине «Военторга», а дорогие, именные – подарок её отца. Эти часы выпускались в очень ограниченном количестве как наградные для высшего командного состава. Коношенок тщательно записывал приметы вещей.

Ояр встал из кресла и прошёлся по квартире. Он уже давно не испытывал никакого стеснения при осмотре жилья людей, попавших в круг его служебных интересов. Долгоногов спокойно заглядывал в шкафчики, в чулан, в туалет, переставлял с места на место предметы. Со стороны его поведение могло показаться немного хамским и беспардонным, но он не обращал на это никакого внимания. Так было нужно для дела. Четырёхкомнатная квартира улучшенной планировки была обставлена дорогой и красивой мебелью. В салоне стоял мягкий кожаный гарнитур: диван и два кресла. На полу дорогой афганский ковёр ручной работы. Такой же – на стене. Дефицитная гдээрдовская стенка, забитая хрусталём. Обеденный стол с инкрустацией. Журнальный столик в тон обеденному. Югославский спальный гарнитур. Комната дочери обставлена изготовленной на заказ рижской мебелью. Всё дорого, солидно. Новейшая аппаратура, хрустальная люстра. Но больше всего Ояра поразил антикварный письменный стол в кабинете полковника. Резные дверцы бюро, инкрустированные разными сортами дерева тумбы стола, – такой мебели Долгоногову видеть ещё не доводилось. И личная «Волга» в гараже около дома.

«Да, нехило нынче живут полковники, – подумал Ояр. – Хотя, с другой стороны, командир полка, вернулся из Афгана, тесть – опять же... А у тестя откуда такие бабки? Генеральское жалованье, конечно, не маленькое, но... Ладно, не моё это дело», – мысленно оборвал себя Ояр.

Настойчиво тренькнул дверной звонок.

– Я открою, – бросил Ояр и пошёл к входной двери. Он посмотрел в дверной глазок. На площадке стоял молодой офицер в форме капитана- танкиста. Ояр открыл дверь.

– С кем имею честь? – не пропуская капитана в квартиру, спросил он.

– А вы кто такой? – капитан попытался протиснуться внутрь.

Ояр неназойливо преградил ему путь. Поняв, что обойти препятствие не удастся, капитан сделал шаг назад.

– Заместитель начальника особого отдела танкового полка капитан Лагутовский, – несколько церемонно представился он.

– Старший оперуполномоченный уголовного розыска капитан Долгоногов, – в тон ему ответил Ояр.

– Что здесь происходит?

– Здесь происходит допрос потерпевшей и осмотр её места жительства, с её любезного разрешения, разумеется, – учтиво сообщил Ояр.

– Я запрещаю проводить допрос! Немедленно покиньте квартиру! Все контакты с женой полковника – только в нашем присутствии!

Ояра Долгоногова очень тяжело было вывести из себя, но Лагутовскому это удалось. Взмешенный Ояр схватил капитана за отвороты кителя и прижал его к дверям соседней квартиры.

– Слышь ты, мудака! – яростно прошипел Долгоногов в лицо капитану. – Запрещать будешь своей бабушке какать на подушку! Давай, катись отсюда, иначе никогда не будешь тебе майором.

Ояр развернул капитана лицом к лестничному маршу, но толкать не стал. Он уже взял себя в руки, да и Лагутовский, напуганный вспышкой ярости этого громилы, не перечил.

– Топай, юноша, топай, – почти ласково проворковал Ояр. «Юноша» был его ровесником. Долгоногов вернулся в квартиру.

– Мужики, вы тут закругляйтесь, а я возьму Козуба и смотаюсь в одно местечко, мысль возникла: заскочить в винно- водочный магазин, поговорить с завсегдатаями. Этот магазин открыт недавно, работает круглосуточно, он – место встречи всех окрестных «страдальцев». Может, кто-то приходил ночью за «догоном» и видел что-нибудь необычное или кого-нибудь...

– А мы как доберёмся до отдела? – спросил Венский.

– Так на общественном транспорте – не баре, чай! – насмешливо ответил Ояр и тут же устыдился своих слов. Женька ведь вместе с ним уже вторые сутки пашет.

– Ладно, – примирительно произнёс он, – я сейчас свяжусь по рации с дежуркой, чтобы прислали за вами машину.

– Я и сам могу позвонить, – возразил Женька.

– Одно дело ты, другое – я, понимать надо, юноша! – усмехнулся Ояр. «Да что ко мне это слово прилипло?» – подумал он.

– Найдите, пожалуйста, того, кто Петеньку убил, – вдруг еле слышно прошептала Татьяна, обращаясь к Ояру. В этом огромном сильном парне она инстинктивно чувствовала защитника, способного помочь ей в горе.

Ояру вдруг стало её безумно жаль. Бедняжка, она ведь ещё не до конца понимает, что стала вдовой. Она ведь ещё не видела покойника, не похоронила его. Боль уже затмила её разум, но ещё не дошла до сердца.

– Мы постараемся его найти, – Ояр осторожно погладил её по плечу. – Мы очень постараемся... – он резко повернулся и направился к выходу.

Новый винно- водочный магазин располагался около гостиницы «Волна». Ояр прибыл сюда в надежде разыскать кого-нибудь, кто заходил сюда ночью. Ведь эти люди находились неподалёку от места преступления и могли что-либо видеть. Ояр вошёл в магазин и направился

к прилавку. Продавец был ему незнаком. «Моё упущение, – подумал Ояр, – на своей территории я не знаю продавца такой важной точки. Надо будет наладить с ним контакт – здесь можно получать ценную информацию».

Ояр достал удостоверение и показал его продавцу. Тот молча кивнул.

– Послушай, дружище, – Долгоногов постарался придать своему голосу максимум дружелюбия. – Кто работал сегодня ночью?

– Мой сменщик.

– И кто у нас сменщик?

– Юрис Звирбулис.

«И этот незнаком. Старею, – подумал Ояр, – точка работает уже месяц, а я не знаю ни владельца, ни продавцов. Стыдно, Ояр Петрович».

– А адресок Юриса? – спросил он.

В этот момент в магазин зашёл немного помятый молодой мужчина в спортивных штанах и джинсовой куртке.

– Ояр, дружбан, сколько лет?! – и бросился обнимать Долгоногова.

– Мишка, здорово! – Ояр хлопнул вошедшего по плечу.

С Михаилом Семёновым он учился в одном классе. После школы Мишка окончил мореходку и с тех пор ходил в море механиком на сухогрузах.

– Ояр, встречу надо обмыть! А я уже второй день гужбаню – вчера списался с судна. Четыре месяца болтались в Атлантике.

– Подожди, Мишаня! Я здесь по делу. Ну, как насчёт адресочка? – Ояр повернулся к продавцу.

– Так уже приходил кто-то из ваших, в форме. Я ему дал...

«Уже опередил кто-то», – усмехнулся Ояр.

– А что ещё хотел? – вслух спросил он.

– Просил назвать завсегдатаев. Я назвал, кого знаю.

– Ну, молодец, думаю, мы с тобой подружимся, – улыбнулся Долгоногов.

– Ояр, а в чём дело-то? – встрял в разговор Мишка.

– Да вот, ищу людей, кто приходил сюда ночью за спиртным.

– Я приходил. У нас кончилась поддача, и я прибежал сюда затариться.

– Так-так-так, – Ояр напрягся. – Когда это было?

– Да где-то в районе часу ночи. Не помню точно – я уже был хорошо «датый».

– В магазине ещё кто-нибудь был?

– Кроме продавца, никого...

– Ну, а по пути кого-нибудь встретил?

– Когда шёл в магазин – нет. А вот когда выходил – на меня чуть не наехал какой-то козёл на велосипеде. Гад – мне бутылки едва не разбил...

– И как он выглядел?

– Да не помню я, темно было, пьяный был...

– Ну, старый- молодой, высокий- низкий? Вспоминай, Мишаня!

– Молодой – это точно. Он ещё, сука, обматерил меня. Крупный такой парень, одет был во что-то тёмное...

– А лицо, лицо запомнил? Описать его сможешь?

– Не знаю, вряд ли. Это мгновение было. Он чуть не сбил меня, обматерил и уехал.

– А откуда он ехал?

– Со стороны порта.

– Ладно, Мишаня, – Ояр понял, что больше ничего не добьётся. – Бывай! Как буду посвободнее, заскочу, – хлопнув старого приятеля по плечу, Долгоногов вышел из магазина.

Велосипед! Вот почему собака потеряла след. Конечно, если это был преступник. Но Ояр почему-то был уверен, что это именно он чуть не сбил Мишаню. А не прост этот парень, ой не прост! Правильно, велосипед меньше привлекает внимания, чем, допустим, автомобиль, а передвигается достаточно быстро, можно ехать дворами. Можно ехать там, где не пройдёт машина, – скверами или лесопосадками. И запомнить велосипедиста значительно сложнее, чем, допустим, пешехода. Что же, толково, толково...

Заместитель начальника особого отдела Прибалтийского военного округа полковник Шульгин энергичным шагом вошёл в кабинет командира танкового полка. Находившиеся там офицеры встали. Шульгин прошёл к месту во главе стола, окинул взглядом присутствующих. Всех этих офицеров он знал по службе и многие были его подчинёнными.

Совещание начальников особых отделов частей гарнизона решили проводить в кабинете командира полка по нескольким причинам: во-первых, кабинет был достаточно просторен, а во-вторых, там можно было соблюсти некоторую конфиденциальность. Кабинет был отделён от коридора помещением адъютанта, получившего приказание никого из посторонних не пропускать. Была ещё одна причина: к кабинету примыкала комната отдыха с дополнительным выходом непосредственно в коридор.

Полковник, только что приехавший из Риги, немного устал с дороги, но от предложенного обеда отказался: не хотелось терять времени. Он лишь попросил принести ему чаю в кабинет.

– Прошу садиться.

Полковник подождал, пока все рассядутся, но совещания не начинал. Наконец в кабинет вошёл адъютант командира полка со стаканом крепкого чая в мельхиоровом подстаканнике на подносе. Он поставил стакан перед полковником и вытянулся в ожидании новых приказаний.

«Хорошо вышколен», – подумал полковник, взмахом руки отпуская адъютанта. Тот чётко повернулся кругом и покинул кабинет.

– Товарищи офицеры, – Шульгин обвёл взглядом присутствующих. – Мы здесь собрались по чрезвычайным обстоятельствам. Убит наш товарищ – командир танкового полка. Наш долг – найти убийц. Мотивы преступления неизвестны. Дело осложняется ещё и тем, что, по-видимому, были похищены очень важные документы, которые могли находиться в кейсе Митрофанова. Об обстоятельствах дела нам доложит майор Крамаренко. Прошу, Виктор Сергеевич.

Начальник особого отдела танкового полка майор Крамаренко встал, привычно одёрнул китель и раскрыл лежавшую перед ним довольно объёмистую папку.

– Можешь докладывать сидя, – Шульгин благоволил к майору.

– Спасибо, товарищ полковник, мне удобнее стоя, – майор предпочитал соблюдать субординацию.

Виктору Крамаренко недавно исполнилось тридцать два года. Высокий, худощавый, с волевым лицом, на котором очень сложно было прочесть какие-либо эмоции, майор пользовался авторитетом у офицеров полка. Его должность не очень способствовала выражению неприязни, но уважали его искренне. Перед начальством он не заискивал, подчинённых не унижал. Оперативником слыл толковым, и Шульгин уже подумывал о том, как перевести майора в округ.

– Товарищи офицеры, – начал майор бесстрастным тоном, – прошу вас принять во внимание обстоятельства, в которых мы вынуждены проводить расследование. По известным причинам, мы фактически отстранены от официального расследования. Этим занимаются местные правоохранительные органы. Официально мы от них информацию вряд ли получим. От территориалов⁷ помощи ждать также не приходится. Они «доживают» последние дни. Вы же

⁷ «Территориалы» – сотрудники местных органов КГБ

в курсе, что постановлением латвийских властей местные органы КГБ распущены, поэтому территориалы сейчас заняты своей судьбой. К то-то хлопочет о переводе из республики, кто-то ищет место на гражданке... Короче, они нам не помощники. Спасибо, что хоть информацией делятся. Наше положение в республике очень неопределённое. Поэтому никаких резких движений, в отличие от прежних времен, мы себе позволить не можем...

– Извините, что перебиваю, но уже совсем скоро начнутся переговоры союзного и местного правительств о выводе войск округа из республики. По моему мнению, уже через два года нас здесь не будет...

По кабинету прошёлся возмущённый ропот. Полковник успокаивающе поднял руку.

– Мы не можем в данной ситуации раздражать местные власти. Но это не значит, – полковник чуть повысил голос, – что мы будем сидеть, сложа руки. Есть чёткий приказ командующего округом проводить собственное расследование. И мы этот приказ выполним. Естественно, работать мы должны осмотрительно. Продолжайте, Виктор Сергеевич.

– Так, к делу, – майор зашелестел бумагами в папке. – Полковник Митрофанов был убит сегодня ночью неизвестными лицами. При нём был кейс. Он пропал, видимо, похищен. В кейсе, как мы предполагаем, были очень важные документы. В сейфе полковника их нет. По показаниям жены, накануне убийства Митрофанов работал дома с какими-то бумагами. Мы проверили его домашний кабинет – документов там нет. Видимо, полковник работал дома с документами, потом сложил их в кейс и отправился на службу. Либо он просто забыл переложить документы в служебный сейф, либо опять решил поработать дома. Дальнейшее вам известно: полковник Митрофанов убит, бумаги пропали.

– Разрешите, товарищ полковник, – встал со своего места светловолосый офицер в морской форме. – Начальник особого отдела бригады морских пограничников капитан третьего ранга Ершов, – счёл необходимым представиться он. – Мы с майором Раевским, – моряк кивнул в сторону кряжистого пограничника, – откомандированы к вам для оказания содействия расследованию.

Пограничники относились к особому отделу Прибалтийского пограничного округа, то есть, непосредственно не подчинялись Шульгину, и Ершов посчитал возможным тактично об этом напомнить.

– Слушаю Вас, капитан, – еле заметно улыбнулся полковник.

– Если кейс весь день находился в кабинете, возможно, документы были похищены ещё до убийства, а убили полковника с целью сокрытия следов, чтобы направить расследование по ложному следу.

– Игорь, бойся бога! – налёт бесстрастности мигом слетел с Крамаренко. – По-твоему, выходит, что у меня в полку «крот»?

– Стоп, стоп, стоп, – полковник успокаивающе постучал по столу. – Версии выдвигать будем позднее. Кстати, и эта имеет право на существование, – полковник бросил взгляд на Крамаренко. – Сейчас можно предположить всё что угодно, вплоть до теракта или диверсии иностранных спецслужб.

– Да, да! – продолжил он, уловив недоуменные взгляды офицеров. – С пятидесятих годов подобных случаев здесь не было, но вполне возможно, что в нынешнем бардаке кто-то не смог удержаться от соблазна использовать старые методы. Ещё два-три года назад они бы и подумать об этом не смели!

На скулах полковника заиграли желваки. Он взял короткую паузу, чтобы успокоиться.

– Продолжай, Виктор Сергеевич. Кто со стороны местных правоохранителей будет непосредственно заниматься этим делом?

– Вот они, их здесь все знают, – Крамаренко передал Шульгину две фотографии. – При составлении досье мы использовали как наши источники, так и информацию «территориалов»

и непосредственно из милиции. Так что сейчас мы о них знаем даже то, что они сами о себе не знают.

– Молодцы! Умеете, когда захотите. Докладывай!

– Что именно?

– Всё, вплоть до антропометрических данных, – недовольно поморщился полковник.

– Слушаюсь! – невольно подобрался майор. – Возглавляет расследование старший следователь по особо важным делам майор милиции Островецкий Олег Семёнович, – Крамаренко указал пальцем на одну из фотографий. – Тридцать пять лет, еврей...

– Еврей? – удивился полковник, всматриваясь в фотографию. – Совсем не похож. А как он попал в милицию? Было же указание ограничить доступ лицам этой национальности к службе в органах.

– Хм, да... Его направили по разнарядке горкома комсомола. А милицейская кадровичка не удосужилась вовремя поднять на него документы. Сами видите, у него национальность на лице не написана. Короче, она провела с ним беседу, он согласился пойти на службу в милицию. А когда оформляли документы, ей чуть плохо не стало. Попыталась дать задний ход, но не тут-то было. В парня вцепились замполит и зампоопер⁸ – нынешний начальник милиции. Ещё бы: спортсмен, с высшим образованием – такие кадры на дороге не валяются. О ни-то и протолкнули его кандидатуру. А кадровичка схлопотала выговор, её потом перевели с понижением в какой-то занюханный райотдел.

– Интересно, продолжай!

– Родился в Белоруссии. Там и сейчас проживают его родители. Окончил там транспортный институт, по распределению попал сюда. Работал на железной дороге начальником участка. Ему там прочили хорошую карьеру, по отзывам, он очень толковый инженер...

– И как же он согласился из начальников в милиционеры?

– Да там какая-то мутная история произошла. Прежнего начальника, который принимал его на работу и дал ему квартиру, как-то нехорошо «ушли», а с новым у него отношения не заладились. Тот из молодых, да ранний, с мохнатой лапой в Управлении дороги. Короче, Островецкий ему едва морду не набил. Ну, это в его характере: коли шлея под хвост попадёт, не разбирает ни чинов, ни званий.

– Ничего себе еврей! Ну, продолжай!

– В органах служит с 1980 года. Начинал с опера. С 1986 года – в следствии. Три месяца назад заочно с отличием окончил высшую школу милиции, получил направление в адъюнктуру в Москву, но отказался.

– Почему!?

– Два месяца назад в автокатастрофе погибла его жена. У него на руках осталась шестилетняя дочка. Она сейчас у бабушки, в Белоруссии. О какой уж там Москве в этой ситуации могла идти речь?

– Катастрофа как-то связана с его служебной деятельностью?

– Никак не связана. Он сам контролировал расследование. Несчастный случай в чистом виде.

– Дальше!

– В 1988 году служил в Афганистане...

– В Царандое советником?⁹

– Нет, вернее, направлялся в Царандой, но в Ташкенте переиграли. Там в учебном центре он окончил ускоренный курс командиров РДГ¹⁰ и был направлен в мотострелковый полк. Так

⁸ Зампоопер – заместитель начальника по оперативной работе.

⁹ Царандой – афганская милиция в 80-е годы.

¹⁰ РДГ – разведывательно-диверсионная группа.

что честно все одиннадцать месяцев отлазил по горам. Награждён орденом Красной Звезды и медалью «За отвагу».

– Неплохо отлазил! А с чего это в Ташкенте всё переиграли?

– Ну, это как раз понятно. Отличный спортсмен. Командир внештатной группы захвата в отделе, прошёл сборы командиров разведывательно- диверсионных групп...

– Какие ещё сборы? – полковник вытаращил от удивления глаза.

– Вы у нас в округе недавно, не в курсе. В 1983 году после истории с корейским «Боингом» ведь чуть дело до войны не дошло...

– Как это не в курсе? Я, что, в это время, по-твоему, находился в безвоздушном пространстве? – сердито перебил полковник.

– Вы меня не так поняли. Вы просто можете не знать, что здесь происходило, на местном уровне.

– И что же здесь происходило?

– В МВД республики был тогда мобилизационный отдел. Там сидели два строевых полковника, дослуживали до пенсии, составляя планы призыва в армию и разные бумажки. В общем, их никто не трогал и они никого не трогали. А после «Боинга», когда стали всерьёз готовиться к какой-то открытой конфронтации с Западом, эмвэдэшное начальство выдернуло их из «норы» и наделило полномочиями. Те и решили потряхнуть стариной. Обновили мобилизационные планы, заставили составлять схемы обороны милицейских объектов, писать кипы разных бумаг – в общем, развернулись вовсю. Мне когда-то начальник милиции жаловался: мол, у всех дел невпроворот, а тут надо ещё и этими бумагами заниматься. Мы, кстати, получали копии всех этих бумаг для координации деятельности.

Полковник Шульгин с интересом слушал майора.

– Короче, согласно новым планам, местный отдел милиции должен был в случае отступления армии уходить вместе с войсками, но две группы по десять человек оставались в тылу наступающих. Командовать этими группами назначили Островецкого и Долгоногова, то есть командира внештатной группы захвата и его заместителя. А в состав групп вошли наиболее подготовленные опера и бойцы группы захвата.

– Разумно...

– Да, но потом решили устроить сборы командиров РДГ и выдернули всех на базу учебного отряда пограничников в Добеле. Можете себе представить: дел выше крыши, а их неделю заставляют заниматься всякой ерундой. Пока были ОФП, рукопашный бой, стрельбы, минное дело – ещё ничего. Даже марш-бросок по болотам. Но когда начались тактические занятия, Островецкого прорвало. Он просто издевался над полковниками, постоянно высмеивая их. Чашу их терпения переполнило то, что, когда отрабатывали реальные места базирования групп и складов, Островецкий отказался подписать оперативную карту с нанесёнными на неё местами базирования. Он заявил, что уж если дойдёт дело до настоящей заварухи, то он туда ни за что не сунется.

– Почему? – изумился полковник.

– Дело в том, что оперативные планы были составлены на основе старых схронов «лесных братьев».

И Островецкий заявил, что если, мол, такие карты есть у нас, то они наверняка есть и у натовцев.

– Ну и правильно заявил.

– А полковникам это не понравилось. Он же фактически обвинил их в полном служебном несоответствии. Может, ещё и национальный фактор сыграл роль, – не знаю, но был составлен разгромный рапорт с требованием уволить строптивого старлея (он тогда ещё старшим лейтенантом был) из органов. Вот копия рапорта, а вот копия рапорта Островецкого с его объяснениями, – майор передал полковнику несколько листов из папки.

Шульгин их внимательно прочитал.

– Ну и язва ваш Островецкий, – усмехнулся полковник. – Вроде всё грамотно, обстоятельно изложено, но с такой подлё... – Шульгин еле удержался от непечатного выражения. – Ну, и чем всё закончилось?

– Да ничем! Военная истерия заглохла сама собой, полковникам посоветовали не мешать людям работать, старлея слегка пожурили, чтобы впредь был более снисходителен к чудачествам пожилых людей, – майору доставляло удовольствие пересказывать этот случай: видимо, он сам немало натерпелся от крупнозвёздных придурков. – А бумаги в личном деле остались, что впоследствии, по-видимому, и сыграло свою роль.

– Да-а... интересный тип этот майор, – протянул полковник. Он ещё раз с симпатией взглянул на фотографию. – Что ещё по нему?

– Отличный спортсмен – мастер спорта по самбо и дзюдо, двукратный чемпион МВД по дзюдо, очень сильный рукопашник – инструктор рукопашного боя в отделе. Хороший стрелок, кстати. Выступает за отдел практически по всем видам спорта. Рост 184 см, вес 86 кг.

– А это ещё к чему?

– Вы сами просили, – бесстрастно ответил Крамаренко.

– Шутки перестал понимать? – покачал головой полковник. – А впрочем, и эта информация не повредит. Во всяком случае, ясно, что этот парень в одиночку может запросто заломать несколько человек.

Присутствующие согласно закивали головами. Островецкого они знали – он не раз проводил семинары по рукопашному бою в частях гарнизона. Встречаться с ним один на один на узкой дорожке ни у кого желания не возникало.

– Что ещё? Женщины, спиртное, может, ещё какие-нибудь слабые места, может, на руку нечист?

– На руку-то как раз чист. Может быть, именно поэтому он может себе позволить такие взаимоотношения с начальством. Он ведь прежнего прокурора прилюдно послал...

– Это который сейчас зампрокурора республики? Что, и это ему сошло с рук?

– Ну, а что ему сделаешь? В начальство он не рвётся, взятки не берёт. Раскручивает такие дела, которые мало кому по зубам. Кстати, его вспомогательные шахматные таблицы по многоэпизодным делам сейчас в школе милиции курсанты изучают. А насчёт женщин и спиртного – так это в норме. Не монах, конечно, но постоянной любовницы нет, и не было, а отдельные приключения – не в счёт, сейчас на этом никого не прихватишь. Выпить может много, но не злоупотребляет. Предпочитает снимать стресс физическими нагрузками. До сих пор много тренируется. Так что прижать его, в случае чего, будет трудновато.

– Ясно. Что по второму?

– Оперативное сопровождение осуществляет старший оперуполномоченный уголовного розыска капитан милиции Долгоногов Ояр Петрович. Он на второй фотографии. 29 лет, наполовину латыш, наполовину русский. Родился в Новосибирске...

– Где? – удивлённо спросил полковник.

– В Новосибирске. В 1948 году его мать с семьёй по пятьдесят восьмой статье¹¹ была выслана в Новосибирскую область. Там она и познакомилась с отцом Ояра. В 1965 году они вернулись в Латвию.

– Интересные дела здесь творятся. А вообще, сотрудники с чистой анкетой в этом отделе имеются?

– Товарищ полковник, разрешите объяснить!

– Ну, объясни.

¹¹ Пятьдесят восьмая статья – в сталинском УК предусматривала наказание за антисоветскую деятельность.

– Товарищ полковник, вы в республике человек новый и, может быть, ещё не совсем знакомы с местными реалиями.

– А без предисловий?

– Это Латвия. Я здесь с 1980 года. Попал сразу после училища. Тут у половины населения кто-то был выслан или осуждён по «пятьдесят восьмой». А с другой стороны, здесь в очереди на поступление в милицию не стоят. Это в южных регионах дают солидные взятки, чтобы приняли на работу в милицию. Здесь же, наоборот, сотрудникам выплачивают премии за каждого поставленного в строй новобранца. Комплектуются, в основном, за счёт увольняемых в запас военнослужащих из дислоцированных в регионе частей. Поэтому когда на службу приходят местные толковые ребята, то на «неправильную» национальность или «неправильных» родственников стараются глаза закрывать. Тем более что мать Долгоногова давно реабилитирована. Знаете, товарищ полковник, в милиции ходит такая поговорка: «Чем южнее – тем продажнее»! Так вот, местная милиция в этом отношении достаточно чистоплотна. Нет, бывает, конечно, всякое, но мздоимцев здесь больно бьют по рукам сами же менты. Кроме того, надо принять во внимание и весьма непростые взаимоотношения между республиканской милицией и прокуратурой. Милиция, в основном, укомплектована русскоязычными кадрами, коренные латыши на эту работу не очень-то рвутся. Работа грязная, опасная, малооплачиваемая, в общем – непрестижная. Прокуратура же, наоборот, в основном укомплектована латышами. Поэтому в этих непростых взаимоотношениях присутствует ещё и некий национальный нюанс. Короче говоря, местная прокуратура сурово бдит за милицией и никогда не упустит случая «прищучить ментов». Ну, а те, в свою очередь, пытаются отплатить прокурорским той же монетой.

– Хм... интересная информация. Продолжай!

– Так вот, по Долгоногову. Фактически он местный, здесь окончил школу. С 1980 по 1982 годы служил срочную в Афганистане. Сержант, командир отделения разведроты парашютно-десантной бригады. Награждён медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги». В милицию пришёл сразу же после армии, начинал помощником дежурного по отделу. Потом – заочная школа милиции. С 1984 года в уголовном розыске. Очень дружен с Островецким, собственно, тот и перетаскивал его в розыск.

– Тоже спортсмен?

– Да нет, спортом особо не увлекается, хотя очень приличный рукопашник, но это от службы в ВДВ. А, в общем-то, спорт ему не очень и нужен. Двухметровый амбал, у него кулак с мою голову. Нашего Лагутовского давеча чуть с лестницы не спустил.

– Семья?

– Женат, детей нет. С женой живёт плохо. Скандалы, ссоры, ну это-то понятно при его работе. Мужик дома почти не бывает, а когда выдаётся свободная минута, старается к подружкам заглянуть – благо у него их пруд пруди. Он этого особо и не скрывает. Естественно, жена бросается в бой, но чем больше она на него наезжает, тем больше он куролесит. Выпить может много, но контроля над собой не теряет.

– Да-а, характерец под стать дружку, – полковник сложил обе фотографии вместе. – Этот-то хоть прокурора не посылал?

– Прокурора нет, но начальнику милиции на стол своё удостоверение швырял, причём в присутствии всего личного состава. Рожков его на каком-то совещании начал распекать, а Долгоногов посчитал, что незаслуженно, ну и вспылал...

– Да уж, порядки в здешней милиции. Капитаны швыряют удостоверения в полковников, – Шульгин покачал головой.

– Долгоногов тогда был ещё старшим лейтенантом, а Рожков – подполковником...

– И чем всё закончилось?

– А практически ничем. Долгоногов получил устное замечание за несдержанность, остыл и вернулся к службе. Рожков же умный мужик. Он прекрасно понимает, что такими кадрами не разбрасываются. Долгоногов – прекрасный сыщик, его здесь каждая собака знает, и он знает каждую собаку. Можно, конечно, окружить себя послушными пай-мальчиками, а работать кто будет? Кто результат даст? Милицейская служба не для паинек!

– Ну что ж, – Шульгин ещё раз взглянул на фотографии и вернул их майору. – Это серьёзные ребята, но, к сожалению, в этом деле мы по разные стороны баррикад. Для них главное – раскрыть преступление, а для нас – найти документы. Повторяю: ни при каких обстоятельствах они не должны попасть в чужие руки.

Первое: работу следственной группы взять под плотный контроль. Действовать при этом очень осторожно, чтобы не выдать раньше времени нашего интереса. В нужный момент документы необходимо перехватить.

Второе: проводить собственное расследование, для чего задействовать все оперативные силы гарнизона. При этом опять же стараться не привлекать к себе излишнего внимания местных органов.

Третье: непосредственное руководство операцией возлагаю на майора Крамаренко. Все вы обязаны оказывать ему максимальное содействие! Майор, ежевечерне мне подробный отчет о ходе операции. В случае обострения ситуации докладывать мне немедленно в любое время дня и ночи.

Вам всё ясно?

– Так точно!

– Завтра в 8.00 здесь же оперативное совещание. Обдумать все версии, даже самые маловероятные, и предоставить планы работы по ним с учётом всех наших возможностей. Вопросы?

– Нет вопросов, товарищ полковник.

– Тогда все свободны. Майору Крамаренко и капитану Лагутовскому остаться.

Участники совещания встали и молча покинули кабинет, в котором остались Шульгин, Крамаренко и Лагутовский. Крамаренко подошёл к закрытой двери комнаты отдыха и тихонько постучал. Вышедший оттуда мужчина в штатском коротко кивнул присутствующим и, не дожидаясь разрешения Шульгина, присел на стоящий около двери стул.

– Это наш коллега из милиции, – попытался сгладить неловкость Крамаренко.

– Виктор Сергеевич, давай без ненужного чинодральства. Сейчас здесь все свои, – самые посвящённые. А вас я себе таким и представлял, наслышан, – полковник крепко пожал руку привставшему незнакомцу. – Извините, что не пригласили участвовать в общем совещании. Не хотелось бы, чтобы о вас знали посторонние. ...А теперь прошу всех внимательно выслушать всё, что я вам сейчас скажу, – полковник прошёлся по кабинету и обернулся к присутствующим. Глаза его нахмурились, выражение лица стало жёстким.

– Вы единственные в этом городе, кто знает, что в действительности содержится в этих документах. Митрофанов совершил грубейшее нарушение, вынеся эти бумаги с территории части. Но что сделано – то сделано. И вы понимаете, почему недопустимо, чтобы эти документы попали в чужие руки. Это не просто государственная тайна – это бомба. Поэтому необходимо сделать всё, чтобы вернуть документы. В крайнем случае, чтобы они не попали в руки посторонних. Короче, нельзя допустить, чтобы сотрудники милиции добрались до документов, тем более – в ближайшее время. Я не могу вам сейчас назвать конкретные сроки, но вы прекрасно понимаете, что по истечении этого времени документы потеряют свою ценность. Поэтому, если не удастся их вернуть, то необходимо всеми способами хотя бы притормозить ход расследования, чтобы сотрудники милиции раньше времени не обнаружили эти бумаги. Это приказ!

...Островецкий и Шестаков сидели в кабинете начальника уголовного розыска и внимательно изучали разложенные на столе бумаги. Время от времени заходили сотрудники, коротко докладывали о проделанной работе, оставляли на столе новые бумаги и выходили в коридор.

Протоколы объяснений, рапорта, справки, отчёты, служебные записки, – ворох бумаг принимал уже внушительные размеры.

– Макулатуры вагон, а толку практически никакого, – вздохнул Олег.

– Зато уже есть чем отчитываться перед начальством: работа кипит, все при деле, – невесело улыбнулся Шестаков.

В коридоре раздался взрыв смеха.

«Байки травят, паразиты», – усмехнулся Олег. А что ещё делать молодым, крепким парням, вынужденным коротать время перед совещанием?

– Володька, утихомирь банду, – кивнул Олег на дверь.

Шестаков встал, приоткрыл дверь, но сказать ничего не успел. Выскочивший секундой ранее из своего кабинета Кочетов грозно оглядывал расшалившихся офицеров.

– Весело вам? Нечем заняться? Работы нет? – голос подполковника не предвещал ничего хорошего. – Так я напомним, что для кое-кого из вас рабочий день ещё не закончен, а некоторым предстоит ещё и рабочая ночь.

Ответом был общий тяжёлый вздох.

– Володька, зови ребят сюда, – усмехнулся Олег, – а то их Кочет совсем сожрёт. Участковых отпусти, а опера пусть заходят.

– Участковые могут отправляться по своим делам. Всем быть на связи, чтобы в случае чего никого не пришлось бы искать. Остальные сюда! – Шестаков жестом пригласил оперов войти.

Кабинет постепенно наполнялся людьми. Человек пятнадцать крепких молодых мужчин искали места, чтобы притулиться. Те, кому не достались стулья, уселись просто на подоконнике. К то-то уже пробовал закурить.

– Отставить смолочурство! – Олег грозно глянул на собравшихся. – Иначе через полчаса нас отсюда вперёд ногами вынесут!

– А Шестаков разрешает курить, – послышалась реплика.

– А вот когда я уйду, можете тут хоть повеситься! – тоном, не терпящим возражений, парировал Олег.

Последним в кабинет вошёл Кочетов. Шестаков плотно прикрыл за ним дверь, и они расселись за столом по обе стороны от Олега, образуя подобие президиума.

– Заседание месткома начинается, – хихикнул кто-то из оперов.

Кочетов нахмурился и погрозил аудитории кулаком.

– Не помешаю? – в кабинет вошёл подполковник Тигерис. – Может, по старой памяти и помогу чем-нибудь?

Сидевший около двери лейтенант Озолиныш вскочил, уступая место подполковнику. Тигерис улыбнулся, но от предложенного места не отказался. Субординация... Конечно, по большому счёту, и Островерцкий должен был бы уступить место во главе стола Кочетову, как старшему по должности, на худой конец – хозяину кабинета Шестакову. Однако Олегу такие нюансы и в голову не приходили. Кочетов же, зная характер Островерцкого, не стал напоминать ему о субординации, чтобы не нарваться на язвительную отповедь в присутствии подчинённых.

– Конечно, не помешаешь. Думаю, и твоим службам работёнка найдётся, – улыбнулся Тигерису Олег.

Первый замначальника отдела милиции подполковник Тигерис курировал все наружные службы отдела: ППС¹², ГАИ, вневедомственную охрану, службу участковых инспекторов и так далее, то есть практически 90 % всего личного состава и техники. С учётом огромного опыта и оперативного чутья бывшего начальника уголовного розыска, он мог бы оказать серьёзное подспорье в расследовании. Отказаться от такой помощи было бы просто глупо.

¹² ППС – патрульно-постовая служба.

– Ну что же, начнём оперативное совещание, – Кочетов окинул взглядом собравшихся. – Майор Островецкий нам сейчас доложит ситуацию на текущий момент. Потом определимся с версиями и набросаем планы работы по ним.

Шестаков жестом показал своему заместителю капитану Возняку: записывай. Тот молча кивнул и приготовился писать.

– Остальным бы тоже не мешало достать служебные блокноты и делать заметки. Повторять ни для кого не будем, – Кочетов продолжал изображать из себя грозного начальника.

Аудитория зашелестела бумагами.

– Долгоногов, а тебя не касается?

– Да я, собственно, и так в курсах, – флегматично пожал плечами Ояр.

Он сидел в дальнем углу, вытянув длинные ноги в проход и скрестив руки на груди. Кочетов гневно уставился на него, подбирая в уме слова, способные осадить строптивца.

– Всё, начнём, – Олег решил разрядить ситуацию. В кабинете установилась тишина. Олег взял небольшую паузу, собираясь с мыслями.

– Доложу коротко фабулу происшествия. Командир танкового полка полковник Митрофанов покинул территорию части в начале первого ночи – есть показания дежурного наряда на КПП. Машину он не взял, отправился домой пешком. Впрочем, неизвестно, домой ли. Полковник шёл в сторону города по подъездной ветке и в районе пешеходного перехода подвергся нападению и был убит ударом в грудь острым колюще-режущим предметом.

По заключению судмедэксперта, убийство произошло в период с полпервого до часу ночи, что подтверждается показаниями солдат. Если бы знать точное время выхода полковника с КПП, то можно было бы установить время смерти. От КПП до места преступления примерно километр, то есть 10–15 минут ходьбы. А так – придётся опираться на указанные экспертом временные рамки. Смерть наступила мгновенно. Удар сильный, хорошо поставленный, с доворотом. Нанесён точно в сердце снизу вверх под углом примерно 45 градусов. По характеру ранения можно предположить, что это клинок типа финки или охотничьего ножа с лезвием длиной не менее 17 сантиметров, шириной – примерно три. Обычный кухонный нож можно исключить, так как для удара такой силы ему просто не хватит жёсткости. Удар был нанесён с повреждением рёбер. Орудие убийства пока не найдено. На месте преступления были обнаружены пять окурков папирос «Север» с характерным прикусом от сколотого правого клыка, а также следы кроссовок «Адидас» сорок четвёртого размера. С большой долей вероятности можно предположить, что всё это оставил преступник. Кто ещё будет топтаться два-три часа за опорой пешеходного моста.

– А может, кто-то там бабу ждал?

– Это кто у нас такой умный? – Шестаков раздражённо посмотрел на говорившего. – Вот ты и займёшься отработкой этой версии в своё личное время!

– Да я ничего... – стушевался шутник.

– Не думаю, что там топтался влюблённый Ромео – уж больно место неподходящее, – спокойно продолжил Олег, коротко взглянув на остряка.

Лейтенант Озолиныш, как школьник, поднял руку, привлекая к себе внимание.

– Говори!

– А почему Вы уверены, что убийца не мог вести полковника от КПП? Тогда окурки и следы принадлежат другому человеку.

– Не думаю. Там открытая местность, и вести жертву почти километр нереально. В таком случае и нападение могло произойти гораздо раньше. Также примем во внимание риск быть замеченным с КПП. Нет, я уверен, что окурки и следы принадлежат убийце. Если нам удастся установить человека, их оставившего, и доказать его связь с полковником, это будет очень веской уликой.

– Самой веской уликой будет всё равно нож, – бросил из своего угла Ояр.

– Верно, поэтому запиши, – Олег обратился к Возняку. – С утра взять в частях гарнизона дополнительные силы и провести расширенный поиск. Проверить все урны, мусорные баки, незакрытые шахты коллекторов в радиусе не менее километра от места преступления. Искать нож! Кстати, а как вояки отреагировали сегодня на просьбу дать людей?

– С неудовольствием, – Кочетов недобро усмехнулся. – Дали понять, что мы дурью маемся. Ты, Олег, не бери в голову. Если надо будет, я попрошу людей у пограничников. Они не откажут.

– Добро. Значит так, судя по силе удара и оставленным следам, предполагаемый убийца – крупный мужчина, ростом примерно 180–185 см, правша, физически очень сильный. Если принять во внимание показания механика Семёнова, то это молодой человек, думаю, в пределах от двадцати до тридцати лет.

– А почему не до сорока или пятидесяти, учитывая состояние Семёнова на тот момент?

– Не думаю. Даже сильно пьяный человек обычно соображает, с молодым или старым он имеет дело. Хорошо, давайте поступим так: в ориентировку дадим возраст от восемнадцати до тридцати пяти лет, – Олег снова кивнул Возняку.

– Убийца покинул место преступления предположительно на велосипеде. Ну, что ещё? Похищены бумажник, наручные часы и кейс. Содержимое бумажника и кейса неизвестно.

– Убийство с целью ограбления?

– Как второстепенную, с большой натяжкой, могу принять эту версию, но, скорее всего, убийца пытается замаскировать действие под ограбление, причём не слишком старательно. А вот удар нанесён профессионально. Я не знаю – присутствующие могут меня поправить – никого из блатных, кто был бы способен на такое. На убийство способны, но так грамотно... Полагаю, это профессионал. Но зачем ему так подставляться? Ради каких-то бумажника, часов и кейса?

И зачем нападать на военного? Здесь, по определению, поживиться особо нечем, зато можно нарваться на серьёзное сопротивление. Проще выбрать подвыпившего моряка или рыбака, у которых и взять можно побольше. И главное, зачем убивать? Ведь можно просто оглушить...

– Может, наркоша или алкаш?

– Нет, по той же причине – удар профессионала. Да и не станет наркоман или алкоголик несколько часов поджидать жертву. Кстати, Ояр, удар тебе ничего не напоминает?

– Ещё бы не напоминал! Похоже, наш парень прилично владеет приёмами ножевого боя.

– То есть?

– То есть, спецназ или ВДВ¹³. Бывший или действующий...

– А может, спившийся спецназовец орудует? Или подсевший на наркотики?

– У кого-то есть на примете кандидатура? – усмехнулся Олег и оглядел собравшихся. – Правильно, нет таких. У нас город небольшой, и мы о таком человеке обязательно бы знали.

– А если залётный?

– Специально приехал сюда «мочить» и грабить? Чушь! Это проще было бы делать в Риге или Москве. Залётный – да, но не грабитель. У него другие цели...

– Кстати, почему ты думаешь, что преступник был один?

– Исключать ничего нельзя, хотя анализ происшествия и осмотра места преступления указывают, что действовал преступник в одиночку. Если и были сообщники, то в качестве заказчика или наводчика.

– А если это диверсанты? – лейтенант Озолиныш даже подался вперёд. – Ну, убили полковника, чтобы завладеть кейсом. Может, там было что-то важное...

Последние слова Озолиныша потонули в дружном хохоте.

¹³ ВДВ – воздушно-десантные войска.

– Начитался пацан детективов!

– Да ты хоть одного живого диверсанта видел? Или только на картинке, в чёрных очках, с мешком тротила...

– Ядерную бомбу полковник в кейсе носил!

– Запретить ему видик смотреть!

Олег успокаивающе поднял руку, стараясь погасить поток острот. Он пытался стереть с лица расплывшуюся улыбку, но это у него плохо получалось.

– Хватит ржать, кони! Совсем парня за тучу загнали. Всё, успокойтесь! Мы здесь для того и собрались, чтобы выдвигать всякие, даже маловероятные версии.

Дождавшись, пока утихнут последние смешки, Олег серьёзно продолжил:

– Зря смеялись! Такая версия вполне имеет право на существование, особенно с учётом месторасположения города и нынешнего бардака. И прекрасно вписывается в схему преступления. Хотя отработать её придётся только вкуче с другими версиями. Разрабатывать её как самостоятельную у нас нет ни сил, ни возможностей.

– Нужно связаться с особистами воинских частей гарнизона. Без их помощи нам эту версию не потянуть, – Тигерис что-то черкнул у себя в блокнотике.

Олег согласно кивнул головой.

– Короче, – продолжил он, – на данный момент наиболее вероятным я считаю личный мотив. Пока у нас на примете, по меньшей мере, два человека, имевших причины устранить Митрофанова. Это военнослужащие танкового полка Татаринцев и Яковлев. Есть предположение, что жена капитана Татаринцева была любовницей Митрофанова, и капитан узнал об этом. А подполковник Яковлев был незаслуженно, по его мнению, обойдён им по службе.

Среди оперов возникло неясное брожение. Все принялись вполголоса обсуждать новость.

– А что, я видел Ленку Татаринцеву. Знойная баба, я бы и сам не прочь!

– Не про тебя тёлка, похоже, она только «полканов» уважает...

– Неужели Яковлев мог бы «замочить» за должность? Что-то не верится...

– За бабу ещё – куда ни шло, а за погоны...

– Отставить комментарии! – Олег хлопнул ладонью по столу. – Я бы и сам отмёл обе версии, но лишь по причине того, что ни Яковлев, ни Татаринцев, по всей видимости, не владеют приёмами ножевого боя. Из пушки грохнуть или танком переехать – это возможно, а ножом... – Олег, отрицая, мотнул головой. – Но дело в том, что оба уже достаточно давно в армии, и найти исполнителя среди спецов для них не составляет труда. А, возможно, и сами посещали какие-либо закрытые секции или курсы. Мы ведь про них ещё почти ничего не знаем, а должны знать всё! Короче, пиши, – Олег кивнул в сторону Возняка. – Отработать обоих по полной программе! Алиби – в первую очередь! Связи, друзья, круг знакомств – в общем, всё, что положено по подозреваемым в убийстве.

– А что, ревность или оскорблённое самолюбие – сильные мотивы, – Тигерис задумчиво потеревил ус. – Но и тут без помощи военных нам не обойтись. Только от них мы быстро сможем получить развёрнутую информацию по фигурантам...

– А они что-то не горят желанием сотрудничать, – закончил фразу Олег. – Прошу прощения, господа начальники, взаимодействие с военными – за вами.

Кочетов и Тигерис согласно кивнули.

– Володя, не нужно забывать и о наших возможностях, – повернулся Олег к Шестакову. – Соседи, друзья, сослуживцы – особенно. Они же не окопались у себя полку. Все живут в городе. Вот и надо подкатить к ним как бы в частном порядке, используя личные связи. То же самое и по личности погибшего. Кстати, при осмотре квартиры его бумаги вдова полковника выдала нам. Там ещё предстоит покопаться, но уже ясно, что придётся отработать всех, кто в этих бумагах всплывёт.

– Кстати, почему никто не подумал о теракте? – вновь подал голос из своего угла Ояр. – Сейчас всякая шুষера повылазила под знамёна националистов. Земессарги¹⁴ разные объявились. Там бывших уголовников – пруд пруди. Все нынче – пострадавшие в борьбе с Советской властью. И, между прочим, эти ребята при оружии...

– Я размышлял об этом, – Олег задумчиво поскрёб небритый подбородок. – Есть много «против»: во-первых, откуда среди них спецназовцы? Среди наших «националов» я таких не знаю. Это в пятидесятые годы ещё могли действовать те, кто обучался в абверовских спецшколах. Ну, допустим, что кто-то из них уцелел и принялся обучать молодых земессаргов. Очень сомнительно, что это прошло бы незамеченным для нас, военных или комитетчиков. А ведь даже намёка на такую информацию ни у кого нет! И другое: националистические силы никак не заинтересованы сейчас в насилии по отношению к военнослужащим советской армии. Обострение ситуации может ударить в первую очередь по ним.

– А «эксцесс исполнителя»? Допустим, кто-либо из «националов» настолько ненавидит Советы, что пошёл на убийство первого же попавшегося офицера...

– Теоретически возможно, но практически всё опять упирается в профессионализм исполнителя. Если другие версии не дадут результата, то, вполне возможно, вернёмся и к этой.

– Слушайте, а может, это наши спецслужбы грохнули полковника, чтобы спровоцировать союзные власти и армию на действия против нынешних местных властей?

Все дружно обернулись к говорившему. К то-то даже постучал себя кулаком по лбу – мол, как у тебя с «крышей»?

– Стоп, хватит! – Олег снова хлопнул ладонью по столу. – Пора закругляться, а то наше совещание уже начинает походить на собрание пациентов дурдома. Впору спецмашину вызывать.

– А жена? Почему никто не вспомнил о жене? – глас вопрошающего вернул всех к реалиям дела.

– Ты бы ещё папу-генерала вспомнил, – нахмурился Олег. – Узнал папаша про похождение зятя и прислал из Москвы «Альфу» сластолюбца замочить. Да он скорее бы прислал кого-нибудь втихаря ему морду начистить и вернуть в лоно семьи, хотя, по имеющейся информации, Митрофанов и так превыше всего ставил благополучие семьи – конспирировался, как мог. А, впрочем, версию о причастности жены без проверки отбрасывать нельзя. В тихом омуте – черти водятся! Поди узнай, что у женщины на уме... Вполне вероятно, что, узнав об измене любимого человека, которому она посвятила всю свою жизнь, Татьяна Митрофанова воспылала ненавистью к мужу и заказала его... От любви до ненависти – один шаг...

– Не верю! – громыхнул Ояр. – Я её глаза видел!

– А мне прикажешь её глаза к делу пришить? В каком виде подашь: в баночке или в пакетик упакуешь? – взорвался Олег. – Всё, хватит! Все уже порядком устали. Будем заканчивать заседаलो.

На минуту в кабинете воцарилась тишина. Олег уже пожалел, что «оторвался» на Ояре. Усталость ещё не повод повышать голос на друга.

– Володя, – уже спокойным тоном Олег обратился к Шестакову, – возьми у Возняка записи, проанализируй, сформулируй все версии в порядке их реализации и набросай план работы по каждой. Кроме того, запланируй мероприятия. Первое – проверить все точки сбыта краденного, всех барыг – возможно, всплывут вещи. Второе – проверить все точки, торгующие табачными изделиями. Папиросы «Север» курят не так много людей в наше время. Может, кто-то из продавцов запомнил человека, подходящего по приметам. Третье – по имеющимся у нас приметам дать циркуляр о розыске по всей республике. Четвёртое – повторно опросить

¹⁴ Земессарги – члены отрядов охраны края (националистических военизированных формирований, возникших в Латвии в начале 90-х годов по образцу довоенных полуфашистских организаций айзсаргов).

всех работников автовокзала, железнодорожного вокзала, проводников, водителей автобусов и дальнобойщиков. Может, кто-то видел человека с указанными приметами. Не вздыхай, вон Виктор Янович сидит, – Олег кивнул на Тигериса. – Используй всех его людей: участковых, пэпээсников, гаишников... И, кстати, не забудь сориентировать весь личный состав отдела и «линейщиков».

Но предупреди, чтобы без самостоятельности. Парень может быть реально очень опасен. При обнаружении – вызывать группу захвата. Пятое – велосипед. Проверить магазин спорттоваров, а также поднять все материалы по кражам велосипедов за последние две недели, лучше – за месяц. Ну, вроде бы пока всё. Копию планчика дашь мне в дело и Долгоногову в ДОР¹⁵. Да, внештатников подключи. Ну, планы спецмероприятий вы без меня составите, а то ещё нарушу все ваши режимы секретности...

Присутствующие дружно хмыкнули. Уж кто-кто, а они-то прекрасно понимали, что Островецкий, как бывший опер, все их секретные документы знает назубок.

– Засим позвольте откланяться. Ояра я, с вашего позволения, забираю с собой, – несколько церемонно и с лёгкой иронией объявил Олег.

– Постой, нам ты навалил с три короба работы, а сам-то что будешь делать? – занервничал Шестаков.

– Ай, какой бестактный вопрос! – Олег пребывал в шутливом настроении. – Следовательно обязан отчитываться в своих действиях только перед законом, усекли? Но, отдавая дань глупчайшего уважения высокочтимому собранию, поясняю: я еду в Москву!

– Куда?! – чуть ли не хором гаркнули опера.

– В Москву! – с ленинским указующим жестом повторил Олег. – Знаете, как у Чехова в «Трёх сёстрах»: «В Москву, в Москву!» Кстати, мои бумаги готовы? – спросил он у Тигериса.

– Конечно, как только ты позвонил, я сразу же пошёл в секретариат – благо, все там ещё были на месте – и оформил тебе командировочное предписание и требование на билет. В Риге, в аэропорту зайдёшь к начальнику отдела милиции – он тебя посадит на ближайший рейс. Я с ним договорился, – Виктор протянул Олегу пакет с документами. – А вот аванс на командировочные расходы взять не успел, финчасть уже закрыта, – извиняющимся тоном добавил он.

– Чёрт, а у меня, как назло, с «капустой» туговато. Сними с «девятки»¹⁶, – попросил Шестакова Олег.

– Нет на «девятке» ничего. Всё, что было на первое полугодие, уже израсходовали, а на второе – ещё не выделили.

– Офигеть, ну такого бардака ещё не было. Уже второй месяц второго полугодия пошёл, а деньги на «девятку» ещё не дошли. Куда мы, блин, катимся? – возмутился Олег.

– Сделаем так: пустим шапку по кругу – каждый даст, сколько может. Потом я из «девятки» компенсирую, – Шестаков взял с тумбочки милицейскую фуражку, бросил в неё несколько банкнот и передал Тигерису.

– Ничего из «девятки» брать не нужно, – Виктор вынул из внутреннего кармана пиджака бумажник, достал из него деньги и аккуратно положил их в фуражку, – не стоит лишний раз нарушать финансовую дисциплину. Олег вернётся из Москвы, оформит, как положено, командировочные и отдаст долг, а если не хватит, – залезем в премиальный фонд начальника. Это я беру на себя.

Тигерис пустил фуражку по кругу. Опера с прибаутками опускали в неё деньги и передавали дальше. Отовсюду раздавались шутливые напутствия:

– Олежа, ты там не шибко шикай на наши бабки...

¹⁵ ДОР – дело оперативной разработки.

¹⁶ «Девятка» – параграф № 9 «Инструкции об оперативно- розыскной деятельности», определяющий порядок выделения и расходования средств на оперативные нужды.

– И барышень московских бери с разбором, а то привезёшь ещё сюда «московскую» болезнь...

– Лучше московскую колбасу...

– А чего, Олежка наш – парень видный, пускай там москвичкам чуток дурную кровь поразбавит...

Олег вдруг почувствовал, как начали увлажняться его глаза и к горлу подкатил ком. Ребята ведь отдавали сейчас ему отнюдь не лишние деньги. Почти у каждого семья, дети – каждая копейка на счету.

– Ладно, расходились тут, хунвэйбины... – за внешней грубоватостью Олег пытался скрыть нахлынувшую на него волну признательности к этим парням.

– Ну, этого хватит, – Шестаков вынул из фуражки деньги, пересчитал их и отдал Олегу. – Потом составим список: кто сколько дал. А всё же, зачем ты едешь в Москву?

– Да всё элементарно. Мы же почти ничего не знаем ни о Митрофанове, ни о Татаринцеве, ни о Яковлеве. А здесь, как я понимаю, военные почему-то не хотят идти нам навстречу. Не думаю, что это местная инициатива – поэтому и на Ригу рассчитывать не приходится. Нет, конечно, все запросы и в Ригу, и в Москву Ояр завтра пошлёт от моего имени. Но не факт, что мы получим ответы. Да и неизвестно, как сейчас отправлять запросы: через министерство или напрямую, как раньше. Полный бардак. И, в любом случае, ответы, даже если они будут, мы получим не раньше, чем через две-три недели, а то и через месяц.

– А у тебя есть, к кому обратиться в Москве?

Потом, по прошествии времени, Олег так и не смог внятно ответить себе на вопрос: почему он тогда решил быть не до конца откровенным? То ли непонятная реакция военных на расследование, то ли ещё что-то, что подходит под расплывчатое понятие «интуиция», но ответ его прозвучал так:

– Да нет, мужики. К кому мне там обращаться? Пойду обычным путём по инстанциям: наши архивы, архивы министерства обороны. Может, что и накопаю...

Опера стали вспоминать знакомых москвичей, с кем в своё время вместе учились, служили или пересекались по каким-нибудь делам. Олег старательно записывал адреса, фамилии, телефоны, но он-то знал, к кому он едет!

– Ну, всё, мужики, спасибо! Я пошёл, – Олег направился к выходу. – Ояр, за мной!

Долгоногов встал, с хрустом потянулся во весь свой богатырский рост, развёл, словно извиняясь, руками (мол, ребята, я здесь ни при чём: сажусь на лисапет, кручу педали, начальство зовёт) и пошёл вслед за Олегом. Опера проводили их завистливыми взглядами. Им-то самим предстояло ещё обсудить планы задействования агентуры, получить задания и отправиться на их выполнение. Машина розыска набирала обороты.

Олег и Ояр вошли в кабинет Долгоногова, располагавшийся на том же этаже, что и кабинет Шестакова, но в другом крыле. Кабинет был маленьким, в нём впритык друг к другу стояли два обшарпанных письменных стола, две тумбочки с двумя маленькими сейфами на них и несколько стульев. В углу находилось протёртое до дыр матерчатое кресло, в котором Долгоногов обожал коротать время. Сейчас туда с удовольствием плюхнулся Олег. Ояр вздохнул, сел за свой стол, открыл сейф, достал оттуда бутылку водки и два стакана. Потом, покопавшись среди бумаг, выложил на стол две карамельки и немного виновато пожал плечами – мол, больше нет ничего.

– Давай накатим, день был тяжёлый, я уже почти двое суток на ногах.

– Да, чуток расслабиться не помешает...

– Жаль, закусить нечем! Ты ведь целый день ничего не жрал?

– Да нет, перехватил бутерброд у Ильича.

– А я не успел ни хрена... Стоп! Дело поправимое! – Ояр расплылся в довольной улыбке. – Сегодня Фурсенко дежурит.

Ояр вынул из тумбочки огромный нож с наборной рукояткой и постучал им по батарее. В ответ также раздался стук.

– Порядок в танковых войсках, – ещё шире улыбнулся Ояр.

Он вынул из тумбочки пластиковую бутылку с пробкой, положил её в целлофановый пакет с привязанной к ручкам верёвкой, просунул пакет в форточку и, потихоньку стравливая, стал опускать сооружение вниз. Олег с интересом наблюдал за его манипуляциями.

– Внизу ИВС¹⁷, – счёл нужным пояснить Ояр.

– Знаю.

– Окно дежурного там как раз под моим окном. А сегодня там – Мишка Фурсенко, хороший парень, частенько выручает.

Снизу дёрнули за верёвку, и Ояр стал подтягивать пакет к форточке.

– Ну, что нам сегодня Бог послал?

Бог, руками сержанта Фурсенко, сегодня щедро отпустил им буханку чёрного хлеба, увесистый шмат сала, два больших домашних помидора, крупную луковицу и солёный огурец. В маленьком пакете была квашеная капуста, а пластиковая бутылка доверху наполнена чаем.

– Пошли, Боженька, сержанту Фурсенко здоровья и хорошую жену! – ликовал Ояр, ловко нарезая продукты.

– Так он женат...

– Тогда – хорошую любовницу!

Долгоногов пребывал в прекрасном расположении духа. Благодаря богатырскому здоровью двое суток недосыпа практически никак не сказывались на нём.

– Ояр, этим тесаком кого-то прирезали, а ты им продукты... – брезгливо поморщился Олег.

В столе у каждого следователя или опера всегда валяется много подобного «добра», когда-то изъятого с мест происшествия или у преступников. Уголовные дела, где фигурировали эти предметы, уже давно завершены и юридически они давно не существуют – «уничтожены» по описи. Но кто же будет ломать хороший нож? Такая вещь всегда в хозяйстве пригодится. У Олега в столе тоже лежали австрийский штык-нож и добротная финка, но он никогда не нарезал ими продукты.

– Обижаешь, начальник, – усмехнулся Ояр, – никого этим тесаком не резали! Подарок взводного на дембель. У него брат работал в колонии, ему «зэки» изготовили в подарок этот нож, а взводный, когда был в отпуске в Союзе, выпросил его, а потом подарил мне, – Долгоногов завершил манипуляции с ножом и налил по полстакана водки. Лицо его погрузнело, вдруг стало заметно, что он не так уж юн. Лоб его прорезали две крупные морщины, серые, обычно весёлые глаза потускнели, щёки запали, обтягивая скулы. Рыжеватая щетина только подчёркивала выражение усталости на его лице.

Олегу вдруг стало безумно жаль друга. Окружающим Долгоногов казался двужильным и толстокожим. Создавалось впечатление, что он не знает усталости, что все жизненные передряги отскакивают от него, как мяч от стенки. «Его ничем не прошибёшь, с него всё, как с гуся вода», – таково было общее мнение. И лишь немногие близкие друзья знали, насколько может быть раним этот «громила». Просто он очень хорошо научился скрывать свои проблемы и не показывать их на людях.

– Ну, шо ж ты зажурився, козачёнку? – Олег сделал попытку отвлечь друга от грустных мыслей.

¹⁷ ИВС – изолятор временного содержания.

– Погиб взводный. Через месяц после моего дембеля подорвался на mine. Мне ребята писали, – тихо вздохнул Ояр. – Хороший был мужик...

– Там много хороших мужиков осталось, – нахмурился Олег. – Давай за них!

Не чокаясь, выпили. Олег взял крупно нарезанный ломоть хлеба и положил на него увесистый кусок сала. Только сейчас почувствовал, насколько он голоден. Ояр уже вовсю орудовал челюстями. От приступа хандры не осталось и следа. Два здоровых, голодных мужика вмиг смели со стола закуску.

– Маловато будет, но жизнь уже стала веселей, – Ояр довольно откинулся на спинку стула. – Давай, ещё по-пус¹⁸!

Он налил водку в стаканы.

– За баб-с!

Весело чокнулись, выпили. Ояр перелил чай из пластиковой бутылки в две большие эмалированные кружки.

– Давай под чаёк – хорошо идёт!

Олег отхлебнул чай. Он был невкусен. Чай предназначался «постояльцам» ИВС, и для них, видимо, пожалели заварки.

– У тебя что – в кабинете и чайника нормального нет? – Олег принялся подтрунивать над другом. – Пьёшь черт-те что! Зашёл приятель на чаёк, а ты наливаешь какую-то отраву. Заведи чайник, хорошую заварку, кофе – тогда и приглашай гостей! А хочешь, я тебе чайник подарю? А то у тебя вечно руки не доходят и исключительно вследствие твоей раздолбайской натуры.

– Ага, маленького всякий обидеть может, – Ояр уже пришёл в обычное весёлое расположение духа, и уязвить его в таком состоянии было делом безнадёжным. – Чайничек? Подари-подари! А пока воспользуемся этим, – он жестом фокусника вынул из тумбочки кипятильник. – И чаёк хороший имеется!

Затем на свет появились: огромная алюминиевая кружка, пластиковая бутылка с водой, пачка чая и сахар-рафинад в жестяной коробке из-под печенья. Ояр откупорил бутылку, понюхал воду и, убедившись, что она не протухла, налил немного в кружку. Вскипятив воду, выплеснул её в мусорный бак, насыпал в кружку полпачки чая, залил его на две трети водой и вновь включил кипятильник. После чего разлил остатки водки по стаканам.

– Давай по крайней. Чтобы тебе удачно съездилось! Тем временем вскипел чай. Ояр выплеснул в бачок эковский напиток и разлил по стаканам свежий. Это уже был настоящий ароматный чай. Конечно, послабее чифирия, но гораздо крепче обычного чая. Олег с наслаждением отхлебнул.

– Сахарку?

– Издеваешься? Сахаром только вкус чая испортишь. Ты знаешь, что английские лорды пьют чай без сахара? Сладкий чай для них – моветон!

– Во-во! Мы сейчас с тобой очень похожи на английских лордов, особенно после водочки под сало с луком.

– Эх, нет в тебе аристократизма, Ояринь!

– Нет во мне снобизма! Короче, ты как хочешь, а я не аглицкий лорд. Пускай мне будет хуже! – Ояр бросил себе в кружку пять или шесть кусочков рафинада. – Вот теперь другое дело, а то – моветон, моветон... – он блаженно растянулся на стуле, – Олежа, я закурю?

– Да кури уж, что с тобой поделать?

Ояр достал из кармана пачку «Примы». У Олега округлились глаза.

– Я же утром купил тебе пачку «Элиты»! Ты что, уже всё скурил?!

– Ну, ребят немного угостил, – глядя в наливающиеся гневом глаза Олега, извиняющимся тоном произнёс Ояр. – И жрать сильно хотелось – вот и перебивался куревом...

¹⁸ По-пус – по половине (латышск. жаргон).

– Да тебя легче убить, чем обеспечить сигаретами! Пачку – за полдня!

– За день...

– Не торгуйся – не на базаре! Практически за полдня! Что ты с собой делаешь? Думаешь, здоровье вечно?!

– Олежа, не грузи! – Долгоногов вынул из кармана мундштук, вставил в него сигарету, прикурил и блаженно затянулся. – Кайф! Как, в сущности, человеку мало надо – выпил, закурил – и блаженство...

Олег махнул рукой. Спорить с другом в данный момент было бесполезно.

– Слушай, а что ты задумал? – Ояр внимательно смотрел на Олега. – Ты же едешь в Москву не просто отираться по инстанциям?

– Конечно, нет! У меня всё из головы не выходит этот удар ножом. Ты помнишь, в каком положении находился труп? Такое впечатление, что Митрофанова перед ударом убийца развернул к себе, словно хотел посмотреть ему в глаза.

– Или, чтобы полковник заглянул смерти в глаза...

– Это ничего не меняет. Ведь проще было бы, подкравшись сзади, нанести удар в спину. И тогда покойник лежал бы либо на груди, либо на спине, но в противоположную ходу движения сторону.

– Логично. Ну, а если полковник сам обернулся к убийце? Допустим, услышал шаги или почувствовал что-то?

– Тогда он попытался бы как-то защититься, а на это ничего не указывает.

– А если просто не успел?

– Возможно, но, понимаешь, Ояринь, у меня такое чутьё, что это месть. Мне кажется, что убийца хотел, чтобы полковник в последний миг своей жизни понял, за что его убивают.

– Значит Татаринцев или Яковлев?

– Ну, только если они сами убивали. Если же наняли исполнителя, то – не катит. У наёмника нет никаких личных мотивов, ему проще заколоть сзади и слинять по-тихому. Нет, тут кто-то третий, кого мы совсем не знаем. Я чувствую, что разгадка – в прошлом полковника. Вот я и еду покопаться в этом прошлом. А обратиться в Москве мне есть к кому. Помнишь, я тебе рассказывал про Борьку Щербакова – моего афганского друга?

– Это который вытащил тебя из-под огня, когда ты ногу подвернул?

– Вот именно! Он меня тогда практически на себе два километра тащил до вертушки. Так вот, он сейчас полковник, начальник какого-то управления в ГУУР¹⁹. Вот он мне и поможет.

– А почему ты на оперативке об этом не сказал? Постой... ты подозреваешь кого-то из наших в двойной игре? Ты что, охренел, Олежа? Да мы с этими мужиками уже столько лет дерьмо одной ложкой хлебаем! Как ты мог?

– Остынь! – Островецкий повысил голос. – Успокойся и послушай внимательно. Три часа назад, когда я возвращался в отдел от Ильича, меня встретил Игорь Ершов...

– Особист морских погранцов? – Ояр вытаращил глаза от удивления.

– Да. Мы же приятельствуем. Так вот, он посоветовал мне не лезть глубоко в это дело, спустить его на тормозах... Мол, одним «тёмным»²⁰ больше – невелика разница.

– Вот это фортель!

– Да, и мне очень не нравится реакция военных на это дело. Можешь себе представить, как рисковал Игорь, встречаясь со мной. Значит, у военных что-то закрутилось, и я совсем не представляю себе, во что мы вляпались! Ты вспомни, как встретили Женьку Венского в части, вспомни Лагутовского...

– Да, какая-то нездоровая возня...

¹⁹ ГУУР – Главное управление уголовного розыска.

²⁰ «Тёмное дело» («глухарь», «висяк») – нераскрытое преступление.

– Вот поэтому о моих истинных планах знаешь только ты. И дело не в том, что я кому-то из наших не доверяю. Но, сам знаешь, бережёного Бог бережёт...

Поэтому будешь делать то, что я скажу! – в голосе Олега появились металлические нотки.

– Конечно. Но зря ты на оперативке не рассказал ребятам об основной версии. Будут теперь без толку пахать на второстепенных.

– Нет, не без толку! Как ни крути, эти версии надо отработать. Так пусть каждый считает, что его направление – главное!

– Стратег, блин...

– Потому-то и органирую расследование, а не бегаю по поручениям, – усмехнулся Олег. – Ладно, сможешь завтра отвезти меня в аэропорт?

– Не вопрос! Возьму Машкину машину...

– Так, опять сегодня у Машки ночуешь? Смотри, прознает Тома – глаза тебе выпарапает...

– Попрошу не лезть к моему моральному облику нечистыми лапами, – попробовал отшутиться Ояр, но вздохнул. – Знаешь, я, наверное, буду разводиться, – ёрнический тон как-то мгновенно слетел с него. – Ничего у нас не получается: семья не заладилась, детей нет, взаимопонимания нет, одни скандалы. Боюсь, как-нибудь не сдержусь и дам ей по башке...

– А я потом буду передачи на «кичу»²¹ таскать?

– Да я ж легонько...

– Знаю я твоё «легонько». От него быки копыта отбрасывают! Вот что, братка, в этом деле я тебе плохой советчик. Знаю только одно: если совсем немоготу – уходи, но руку на жену не поднимай. Последнее это дело...

– Ладно, проехали. Значит, завтра утром я заеду за тобой и отвезу тебя в аэропорт.

– А по пути заедем к Женьке Венскому в посёлок. Я сделаю один звонок...

– Олежа, а ты не слишком... того, перестраховываешься? На паранойю смахивает...

– «Лучше перебздеть, чем недобздеть», – как любит повторять наш замполит. – Ладно, пошли в дежурку. Может, перехватим какую-нибудь тачку, чтобы по домам разбросала.

– Слушаю!

– Товарищ полковник, Островецкий утром вылетает в Москву.

– С какой целью?

– Хочет покопаться в архивах.

– Шустрый парень. Дай телефонограмму в Москву, чтобы ему перекрыли доступ к архивам. И нашим, и эмвэдэшным.

– А на каком основании? Это его насторожит...

– Да ничего не надо запрещать, пусть просто проволыняют. Мол, мы не знаем, как теперь к тебе относиться. Ты вроде бы наш, а вроде уже и не наш. Получи разрешение у того-то, потом у этого-то... Ну, они сами знают, как проволочить. Всё ясно?

– Так точно!

– Действуй!

– Есть!

Дорога в аэропорт обошлась без приключений. В пять часов утра Ояр заехал за Олегом на новенькой зелёной Машкиной «шестёрке». Машкин муж ходил в море и по полгода не бывал дома. Зато дом был – полная чаша. Машка нигде не работала, разъезжая на подаренной мужем «шестёрке» по магазинам и салонам красоты. Мужа она любила, что, впрочем, не мешало ей

²¹ «Кича» – нары (жарг.).

утешаться с Ояром. Справедливости ради следует отметить, что и у него она не была единственной страстью. Такие отношения устраивали обоих.

По пути заехали к Венскому. Лейтенант, несмотря на ранний час, уже не спал, ковыряясь около дома в мотоцикле. Обрадованный визитом, Женька напоил друзей крепким кофе с вкусными свежими булочками, после чего Олег отправил его и Ояра покурить, а сам о чём-то довольно долго говорил по телефону. Из дома он вышел с довольной улыбкой на лице.

– Значит так, Женька. Мы к тебе заезжали, попили кофе и уехали. К телефону ни я, ни он, – Олег кивнул на Ояра, – не подходили. Если кто-нибудь спросит про звонок в Москву, скажешь, что звонил дальним родственникам. Хочешь, мол, съездить в отпуск в Москву и договоривался о встрече.

– А кто-нибудь – это кто?

– Это все, все без исключения.

– Ребята, это что-то серьёзное? Связанное с убийством?

– Женька, меньше знаешь – крепче спишь. Сделаешь, как я сказал!

– Вы мне не доверяете? – в голосе Венского послышались нотки обиды.

– Дурила, если бы не доверяли, вообще бы к тебе не заехали. Просто иногда нагружать товарища излишней информацией – это подставить его. Усёк? Ладно, мы поехали...

Через два часа Олег вошёл в здание аэропорта, а ещё через час уже сидел в салоне самолёта.

Москва встретила тёмными свинцовыми тучами и мелким заунывным дождём.

«Чертовщина какая-то, – подумал Олег, – вроде должно было бы быть наоборот: в Прибалтике дождь, а в Москве – солнце. Ну, тебе-то к такой погоде не привыкать, чай, не сахарный – не расклеишься!» – мысленно осадил себя Олег. Он поднял воротник куртки и решительно шагнул под дождь. Зонтиков он не признавал принципиально, ещё с тех пор, как впервые надел форму. «Как вы себе представляете себе это чучело – в форме под зонтиком?», – шутил он. Был ещё момент, из-за чего Олег никогда не носил с собой зонта: зонт занимает руку и существенно сокращает обзор. А со временем Олег на собственном опыте убедился, что свободные руки и «широкий кругозор» весьма способствуют целостности головы.

Островецкий направился к стоянке такси. На плече у него висела небольшая дорожная сумка с вещами, в левой руке – пластиковый индийский кейс с кодовым замком и алюминиевой окантовкой – подарок Алёнки к окончанию учёбы в Высшей школе милиции. Кейс Олег брал с собой только в командировки. Как всегда, в нём находилось множество бумаг, рассортированных по пластиковым папкам: бланки протоколов и постановлений, справки, а также запасные ручки и карандаши. В общем, всё то, что может понадобиться следователю вдали от родного кабинета.

На стоянке такси скопилось довольно приличная очередь. Олег обошёл толпу пассажиров и встал метрах в двадцати от неё по ходу движения транспорта – может, и найдётся место в какой-то из машин для одинокого пассажира. Первые два такси Олег пропустил – оба были битком набиты людьми. Третье такси шло полупустым: кроме водителя на переднем сиденье пассажира находился какой-то пожилой мужчина профессорского вида. Олег поднял руку голося. Автомобиль резко притормозил.

– Куда? – приоткрыв дверцу, наполовину вылез из машины водитель – молодой разбитой бородач в модной жилетке из плащёвки.

– В Москву, куда же ещё? – усмехнулся Олег.

– Две бумаги.

– Ты что, охренел? Я тебя что, прошу отвезти меня на Луну или в Тель-Авив?

– А при чём здесь Тель-Авив? – удивился таксист (как будто на Луну попасть проще).

– А при том, что это грабёж средь бела дня!

«Профессор», поблескивая очками, рассеяно наблюдал за перепалкой.

«Ну, чисто книжный червь, – усмехнулся про себя Олег, – шляпа, очки, борода клинышком».

– Так ты едешь? А то вон уже и желающие объявились, – водила, ухмыляясь, кивнул на отделившихся от толпы двух грозного вида тёток с огромными баулами, явно намеревающихся отбить такси у нахала, пролезшего без очереди.

– Ладно, ГУВД Москвы, надеюсь, знаешь, где это, – объявил Олег, усаживаясь на заднее сиденье.

– Не думай, что это будет стоить тебе дешевле! – ухмыльнулся таксист, вскочил за руль, и машина резко тронулась с места.

Оружие и размахивающие руками тётки остались позади.

– Ты бы своего водилу взаправду «бомбить» отправил. У него это классно получается, – усмехнулся Олег.

С зеркала заднего обзора на него лукаво поглядывали озорные глаза «таксиста».

– Здорово, Олеж! – в голосе «профессора» было столько теплоты, что Островецкий на мгновение смешался.

– Здорово, командир! – нарочитой грубоватостью Олег попытался замаскировать проskalзывающие в голосе нотки нежности. – Видишь, как встречаемся? Даже обнять друга не могу. На своей земле приходится вести себя, как партизанам...

– Не журысь, козачёнку! Успеем ещё и наобниматься, и водочки попить. Вот только дело сделаем...

Тираду «профессора» перебил телефонный зуммер. Тот открыл крышку «бардачка» и вынул оттуда трубку радиотелефона. Поймав удивлённый взгляд Олега, он горделиво подмигнул: так-то, мол, это тебе Москва, а не какой-нибудь занюханный Мухосранск...

– «Первый»! – коротко бросил в трубку «профессор». Выслушивая доклад, он всё больше мрачнел. – Олег, ты был прав. Моя «наружка» сообщает, – он кивнул на трубку, – тебя ведут от самого аэропорта. Весьма профессионально – двумя машинами: белой «восьмёркой» и зелёной «Волгой». Она сейчас как раз за нами. По всей видимости, это «смежники»²².

– Час от часу не легче... То вояки, то чекисты... Боря, ты можешь мне объяснить, что происходит? Я расследую обычное уголовное дело, а меня пасут, как американского резидента...

– Ну, дело-то не совсем обычное. Не так уж часто в мирное время средь бела дня убивают полковников...

– Средь тёмной ночи, – хмуро уточнил Олег.

– Сути не меняет. Ты был прав, дело не в полковнике, а в том, что было при нём.

– У меня же первая категория допуска. Ну, найду я похищенное у полковника, передам им по описи, и дело с концом. Нужны мне их долбаные секреты, как танцору яйца! Зачем весь этот сыр-бор?

– Не знаю, разберёмся. А пока возьми папочку у себя на заднем сиденье, почитай, я там тебе кое-какие бумаги подготовил.

Олег вынул из лежавшей на сиденье пластиковой папки несколько листов исписанной мелким, убористым почерком бумаги и углубился в чтение.

«Профессор» бросил на него короткий, полный жалости взгляд. Перемены в друге поразили его. Он вспомнил, как год назад по пути в Сочи Олег с женой заехали к ним в Москву. Жёны – весёлые, общительные украиночки – быстро нашли общий язык. Вчетвером много гуляли по Москве, потом застолье не даче. Было много шуток, песен под гитару. Олег бли-

²² «Смежники» – одно из названий сотрудников КГБ (милиц. сленг).

стал красноречием, поблескивая своими иронично-весёлыми карими глазами. Нет, ирония во взгляде осталась, но теперь вместе с ней в уголках глаз поселилась жгучая тоска, и от этого Борису было не по себе. Он испытывал какое-то непонятное чувство вины перед другом. Поэтому, когда сегодня рано утром Олег позвонил ему со своей проблемой, он, не задумываясь, согласился помочь.

Борис Щербаков, естественно, не был профессором. Вернее, он преподавал, конечно, в академии МВД оперативно-розыскную деятельность, но основным его занятием было руководство управлением по раскрытию особо тяжких преступлений ГУУРа.

Полковник Щербаков по праву считался одним из лучших сыщиков страны. С Олегом Островецким он познакомился в Афганистане. Щербаков, тогда ещё подполковник, возглавлял разведотдел дивизии, а Островецкий был его подчинённым. Подполковник частенько лично участвовал в операциях, хотя по должности вовсе не обязан был этого делать. Наоборот, за это ему частенько перепадало от комдива, вполне резонно считавшего, что дело Щербакова – планирование операций, а не их практическая реализация. Планировать подполковник умел прекрасно, используя при этом весь свой богатый опыт разыскника. Поэтому потери среди его подчинённых были очень редки, за что разведчики буквально боготворили Щербакова. Но, несмотря на это, Борис не мог усидеть на хорошо укреплённой базе, посылая своих людей на рискованные задания. Поэтому он, невзирая на запреты, нередко сам принимал участие в операциях. Во время одной из них Борис вытащил из-под шквального огня «духов» подвернувшего ногу Олега, а затем почти два километра по горам буквально тащил его на себе до вертолётта. Время от времени они отгоняли огнём наседавших «духов». Олег просил оставить его и идти за подмогой. Не начальственное, мол, это дело – таскать на себе подчинённых. На что Борис обещал засадить капитана на «губу» за идиотские шутки во время боя. Так, незлобливо переругиваясь, они сумели добраться до вертолётной площадки, где выручила подоспевшая десантура, сумевшая отбить душманов.

Этот случай очень сблизил обоих. Борис частенько навещал капитана в полевом госпитале, являясь туда с непременной бутылкой коньяка. Застольные беседы, нередко заканчивающиеся жаркими спорами, постепенно выявили сходство характеров. Они всё больше доверяли друг другу, откровенно обсуждая порой очень острые проблемы.

С возвращением Олега из госпиталя их дружба ещё более окрепла. На косые взгляды недоброжелателей оба не обращали никакого внимания, тем более что поблажек по службе Борис Олегу не давал и от опасных заданий не оберегал.

Из Афганистана оба были отозваны практически одновременно. Олег вернулся к себе в Латвию, а Борис – в Москву. Боевой офицер, отмеченный в Афганистане орденами Боевого Красного Знамени и Красной Звезды, сразу же был назначен на одну из ведущих должностей в Главном управлении уголовного розыска страны. Вскоре получил звание полковника. Он неоднократно предлагал другу перебраться в Москву, но неизменно получал шутливый отказ: мол, быть майором на периферии – лучше, чем полковником в Москве. Борис не оставил своих попыток и, втайне от друга, пользуясь своими связями в академии МВД, организовал ему приглашение на учёбу в адъюнктуру. Олег уже было согласился, но гибель жены перечеркнула всё...

– Извини, Олеж, что на Алёнкины похороны не приехал: дела, будь они неладны... Да и словосочетание это – «Алёнкины похороны» – в голове не укладывается. Алёнка и похороны... – грустно вздохнул Борис.

– Можешь не извиняться. Что я – не понимаю? Поди не овощной базой командуешь, – усмехнулся Олег и внимательно посмотрел на друга. Борису недавно исполнился сорок один год. Высокого роста, худощавый, жилистый. Светло-русые волосы скрывали седину на висках.

– Слушай, Борька, а маскарад у тебя классный: очки, бородёнка эта козлиная...

– Ну, бородёнка-то накладная, а вот очки – мои.

– Как твои? Ты же никогда не жаловался на зрение!

– Ну, всегда что-то происходит впервые, – Борис снял очки. – Старею, наверное...

Олег заметил морщинки усталости в уголках его глаз.

– Трудно, Боря?

– Трудно, Олег! Такой вал пошёл – захлёбываемся. Люди уходят, преступность растёт в геометрической прогрессии, причём наиболее тяжкие её виды. Да, о чём толковать – у вас, видимо, не лучше.

– Куда уж! Кадровый состав пока ещё удаётся сохранить, а вот валом нас уже давно накрыло. Раньше, бывало, по разбою весь отдел «на ушах стоял», особенно розыск, а теперь – только регистрируем.

– Ладно, вернёмся к нашим «баранам». Ты справку прочитал?

– Хорошо, но маловато...

– Вот нахалюга! Ты же только утром позвонил. У меня и было-то всего несколько часов подсобрать материал...

– Ну, не кипятись.

– Ладно, будем действовать. Ты обивай пороги со своими запросами, а я буду пробивать по своим каналам. Благо, связи за это время наработаны. Так что, всё, что можно узнать о твоих фигурантах, – мы узнаем. А вот знакомство наше пока афишировать не будем: и мне перекроют кислород. Поди знай, кто за всем этим стоит. Поэтому связь будем держать через лейтенанта Синицына, – Щербаков кивнул в сторону бородатого водителя.

– Здравия желаю, товарищ майор! – в зеркале заднего обзора весело сверкнули глаза бородача.

– И тебе не болеть...

– Да ты не сомневайся, Алексей – один из лучших моих сотрудников. Правда, в следующий раз он будет без бороды, но думаю, ты его узнаешь без проблем. Учти, только он в курсе всех дел. Остальные выполняют конкретную задачу.

– Что не доверишь кому-то?

– Доверять-то доверяю, но осторожность в таком деле излишней не бывает. В общем, так: если нужно будет – Алексей с тобой свяжется, если что-то чрезвычайное – позвоним прямо в гостиницу или где ты там остановишься. Тогда ноги в руки и мотай оттуда. Если мы понадобится, свяжешься с Алексеем через его девушку. Она в курсе.

– В курсе чего?

– В курсе того, что если позвонит Олег, то надо перезвонить Алексею и сообщить ему об этом. Из гостиницы не звони, только из телефона-автомата или любого левого телефона, ну, не мне тебя учить. В самом крайнем случае звони мне напрямую, но это будет означать, что у тебя ЧП и надо выручать твою задницу. В папке у тебя контактный телефон Лёшкиной девчонки и, на крайний случай, адрес конспиративной квартиры. Запомни и уничтожь бумажку.

– Твою мать... на своей земле приходится в шпионов играть! Сказал бы мне кто-нибудь об этом ещё два дня назад – посчитал бы за идиота.

– Такие подлые времена настали, – вздохнул Борис.

Олег вышел из такси у здания ГУВД. Предстояло ещё отметить в секретариате командировочное предписание, взять направление в ведомственную гостиницу, пройти по некоторым начальственным кабинетам. В ведомственной гостинице, как водится, мест не оказалось. На просьбу помочь с жильем в ГУВД на него посмотрели, как на умалишённого: много, мол, тут вас, умных, по Москве ошивается... В конце концов, используя связи, полученные от товарищей перед отъездом, удалось пристроиться в гостевую комнату общежития кооперативного института. Правда, эта комната находилась в женском крыле общежития, что отнюдь

не смутило Олега, а, наоборот, внесло некоторую пикантность в ситуацию. Очень обрадовало Олега и наличие телефона в комнате. С вахтёршей бабой Валеёй он сразу же наладил душевный контакт, поплакавшись о трудностях милицейских будней, и получил разрешение являться в общежитие в любое время дня и ночи. Служба-с... Довольный собою, Олег завалился спать.

- Товарищ полковник, сообщение из Москвы.
- Докладывай!
- Островецкий прилетел в Москву, взял такси и направился в ГУВД...
- Постой, какое такси?
- Обычное такси, зарегистрированное в шестом таксопарке, мы проверили. С водителем, правда, пообщаться не удалось – он сейчас в отгуле.
- Кто ещё был в такси?
- Какой-то старикан-интеллигент.
- Кто такой?
- Установить не удалось. После того, как Островецкий вышел, наши люди потеряли такси. Москва же...
- Дальше.
- Два часа «важняк» пробыл в ГУВД, улаживая там свои дела. Сделал несколько звонков с просьбой помочь с жильём.
- Кому?
- В основном это работники милиции среднего звена. Думаю, из числа тех, чьи телефоны он получил от товарищей перед отъездом. Ни с кем из них он, по видимости, не знаком. Искал жильё.
- А что, ему в ГУВД не могли помочь с гостиницей?
- Да вы что, товарищ полковник! Это же Москва. Туда сотни таких командировочных за день прибывают. Вот если бы из Москвы кто-нибудь прибыл бы на периферию, да и не только из Москвы, то местные бы в лепёшку разбились, чтобы получше принять гостя.
- Откуда такие сведения?
- Из личного опыта, товарищ полковник.
- Хм, ну и что Островецкий?
- Через жену одного капитана нашёл себе место в общежитии кооперативного института.
- Так там же одни девчонки! Вот паразит – не теряет времени даром. Передай в Москву: продолжать наблюдение! Что-то подозрительно тих наш майор.
- Есть, товарищ полковник.

Весь следующий день Олег провёл, «нарезая круги» по инстанциям: писал рапорта, получал резолюции по ним, снова писал рапорта и снова получал резолюции. Он безропотно ходил из кабинета в кабинет, высиживал порой длинные очереди к какому-нибудь начальственному лицу, которое посылало его к другому начальствующему лицу. И всё для того, чтобы его запросы в архивы министерства обороны по поводу Митрофанова, Татаринцева и Яковлева рассмотрели вне очереди. Получив очередную резолюцию, Олег вновь и вновь возвращался в архив, откуда его вновь и вновь отфутболивали за новыми резолюциями. Даже в родном МВД доступ к базе данных информационного центра был закрыт. Извини, дружище, но ты теперь вроде бы и не наш, и для допуска к базе данных надо получить резолюцию товарища такого-то, который готов поставить свою резолюцию, но только после товарища эдакого...

Часов в шесть вечера он решил, что на сегодня «хождение по мукам» можно прекратить, тем более что к этому времени практически все начальствующие лица уже покинули свои кабинеты.

Довольный проделанной «работой», Островецкий погулял по Москве, заглянул в продовольственный магазин, где накупил нехитрой снеди на ужин, и часам к девяти вечера появился в общагу. Пообедать он по «традиции» не успел (два пирожка с сомнительной начинкой – не в счёт), и рассчитывал плотно поужинать.

Проходя по коридору общаги к своей комнате, Олег на своей шкуре почувствовал, что означает выражение «идти сквозь строй». Несмотря на разгар каникул, общежитие было многолюдно: кто-то остался в Москве, чтобы подзаработать на каникулах, а кому-то и вовсе не имело смысла уезжать домой – билеты в последнее время изрядно подорожали. Коридор общежития больше походил на Калининский проспект, с той лишь разницей, что наряды дефилирующих по коридору девиц были куда откровеннее. Девчонки как бы состязались, у кого халатик короче. Некоторые вообще обходились маечками, едва прикрывающими (или открывающими) трусики. При этом все, кто украдкой, а кто вызывающе, разглядывали Олега.

Добравшись до своей комнаты, Островецкий перевёл дух. Такие походы по «цветнику» могут и до инфаркта довести! Олегу с трудом удавалось погасить разыгравшееся воображение. Он сбросил рубашку и принялся готовить ужин. Вилки и тарелки в комнате не было, но о проходе обратно через коридор за кухню не могло быть и речи. Второго такого похода он бы не выдержал.

«Ладно, жарить- парить всё равно ничего не надо, а без тарелки и вилки как-нибудь обойдусь. С ножа поем», – подумал Олег, удобно расположившись в кресле и разложив перед собой на столике принесённую снесь. Он открыл банку рыбных консервов, разрезал пополам помидор и откупорил бутылку чешского пива. Такое пиво недавно появилось в коммерческих магазинах и стоило недёшево, но майор решил сегодня себе ни в чём не отказывать. Он уже собрался было подцепить ножом кусочек рыбы из банки, как вдруг в дверь настойчиво постучали.

– Входите, не заперто! – крикнул Олег.

В комнату вошла очаровательная девушка лет двадцати в коротком шёлковом халатике, едва прикрывающем её прелести. В руках её была небольшая сковородка, источающая умопомрачительный аромат жареной картошки. То ли от вида соблазнительной красотицы, то ли от обалденного запаха, а, скорее всего, и от того, и от другого вместе, Олег непроизвольно сглотнул слюну. Он ошеломлённо уставился на девчонку, машинально отметив при этом, что и сам произвёл на неё впечатление. Её глаза широко распахнулись при виде обнажённого торса Олега. Несмотря на внушительную мускулатуру, он был очень пропорционально сложен и знал, что нравится женщинам.

– А я Вам картошечки нажарила. Я так и знала, что Вы будете ужинать всухомятку, – защелкала красотица и поставила на стол сковородку. Протянув Олегу вилку, она, улыбаясь, посмотрела ему прямо в глаза.

– А ты?

– А у меня диета, фигуру надо соблюдать, – девушка обтянула халатик на и без того тонкой талии.

– Ну как знаешь, – Олег взял из её рук вилку и, не особо задумываясь о приличиях, набросился на картошку.

Девчонка присела на край кровати и с улыбкой смотрела на него.

– Люблю наблюдать, как мужики едят. В них в это время просыпается зверь, – с некоторым вызовом сказала она.

Не переставая двигать челюстями, Олег молча кивнул. Вмиг управившись с нехитрым ужином, он сделал большой глоток пива и удовлетворённо откинулся в кресле.

– Тебя как звать, красавица? Меня – Олег.

– Наташа.

– Наталка-Полтавка...

– Я из Харькова.

– А это не важно, – Олег откровенно и нахально рассматривал девушку. Та, ничуть не смущаясь, вызываясь посмотрела ему в глаза и приняла, по её мнению, наиболее эффектную позу, закинув ногу на ногу (при этом халатик перестал прикрывать что-либо). Девчонка по-кошачьи грациозно выгнула спину. Халатик сполз с её плеча, практически обнажив небольшую упругую грудь.

«Вот чертовка»! – Олег даже восхитился откровенностью девчонки.

– Ликёру хочешь? – не дожидаясь ответа, Олег извлёк из дорожной сумки бутылку ликёра «Вана Таллинн». – «Старый Таллинн» – очень хороший эстонский ликёр, – Олег разлил напиток по стаканам.

Девчонка взяла свой стакан и переместилась к нему на колени. От неё исходил аромат молодости и свежести. У Олега перехватило дух.

– Только знай, никакого продолжения не будет, – он ещё сделал попытку справиться с собой.

– Очень нужно! А вообще-то ты дурак! Другой бы на твоём месте клялся бы в вечной любви, обещал бы жениться, а ты... Но такой ты мне ещё больше нравишься! – она потянулась к нему, приоткрыв для поцелуя свои полные влажные губы. Больше Олег сопротивляться не мог. Два месяца воздержания сделали своё дело. Он накинулся на девчонку, как коршун на добычу...

– Слушаю!

– Товарищ полковник, Островецкий весь день провёл в хождениях по кабинетам МВД и Минобороны. Затем вернулся в общежитие и больше оттуда не выходил. Никаких посторонних контактов не зафиксировано. По телефону из общежития вообще ни разу не говорил.

– Странно, очень странно. Его практически в открытую отфутболивают, а он, вопреки своему характеру, спокоен и ни разу не взорвался. Что-то здесь не так... Усильте наблюдение! Постарайтесь выяснить, что конкретно он делает в общежитии.

– Слушаюсь!

В дверь осторожно постучали. Олег чертыхнулся, с закрытыми глазами нащупал полотенце, обернулся им и, пошатываясь спросонья, побрёл к двери.

– Кого там черти носят? – хриплым после сна голосом недовольно пробурчал Олег.

– Это я, Олег Семёнович.

– Алексей? Заходи! Что-то стряслось? – Олег отпер дверь и впустил Сеницына в комнату.

– Ну, товарищ майор, какие здесь по коридору фемины хо... – восторженно начал Алексей и осёкся, ошеломлённо уставившись на пару стройных женских ножек, едва прикрытых простыней.

Он перевёл удивлённо-восхищённый взгляд на Олега и, оттопырив большой палец, сделал одобрительный жест. В ответ Олег поднёс к его носу внушительный кулак.

– А ты сегодня без бороды? Тебе так лучше! Ну, что случилось? Чего припёрся ни свет, ни заря?

– Побойтесь бога, товарищ майор! Уже восемь утра. Товарищ полковник за вами прислал. Всё, конец конспирации! – Сеницын сиял белозубой улыбкой. Без бороды он выглядел совсем молодо. На вид ему можно было дать не больше двадцати пяти.

Сон мгновенно слетел с Олега. Он довольно потёр руки.

– Обожди десять минут, я только приведу себя в порядок, – с этими словами Олег слегка потербил пальчик ноги лежащей на кровати девушки. – Наталка-Полтавка, подъём!

– У тебя совесть есть? Мы всю ночь прокувыркались. Я только заснула! – донёсся из-под простыни капризный голосок.

– Нет у меня совести! Вставай, солнце моё! Мне пора. Меня ждут великие дела! – Олег пребывал в прекрасном расположении духа.

Девушка откинула простыню, села на кровати и, нимало не смущаясь присутствием двух мужчин, грациозно потянулась. Оба ошеломлённо уставились на неё. У Алексея отвисла челюсть, а Олег на мгновение пожалел о присутствии лейтенанта в комнате. Девица не спеша встала с постели, набросила на голое тело халатик и, намеренно виляя бёдрами, пошла к двери.

– Между прочим, я с девчонками поспорила, что ты на меня западёшь! Я выиграла! – обернувшись, с вызовом заявила она.

– И я не проиграл! – в тон ей ответил Олег.

Девчонка фыркнула.

– Если понадобится, я в комнате напротив. Пока, любимый! – насмешливо произнесла она и выпорхнула из комнаты.

– Вот это да-а! – Алексей шумно перевёл дух.

– У тебя, как я слышал, девушка есть? Поэтому закатай назад губу и дуй в машину! Я мигом!

Через пятнадцать минут Олег с вещами вышел из общежития. Алексей ждал его около новенькой чёрной «Волги».

– А где твоё задрипанное такси?

– Так то ж оперативная машина. Сегодня нужды в ней нет. Товарищ полковник прислал за Вами свою «ласточку», – Алексей любовно погладил блестящий капот машины.

Олег забросил вещи на заднее сиденье и посмотрел вверх. Ему показалось, что занавеска на одном из окон колыхнулась. Так и есть, в окне второго этажа он увидел Наташу. Она, не мигая, грустно смотрела не него. Олег подбадривающе подмигнул ей и сел в машину.

«Извини, девочка! – подумал он. – Ничего серьёзного между нами быть не может – мы с разных планет!»

Алексей резко тронул с места.

– Ты всегда так едешь?

– Не извольте беспокоиться, товарищ майор! Их бин КМС по автогонкам...

– Вот когда станешь мастером, тогда и гоняй! А пока езжай потише и не выкай мне больше. Тоже мне – старика нашёл! И по батюшке не обзывайся. Усёк?

– Так точно! Видел я, какой вы... ты старик! – усмехнулся Алексей.

Полковник Щербаков встретил Олега в своём кабинете. Форма стройнила его, идиотская бородка исчезла. Никто не смог бы признать сейчас в этом стройном моложавом офицере чудакватого пожилого «профессора». Красивые очки в золочёной оправе лишь придавали солидности и официальности. Друзья обнялись.

– Борька, я тебя впервые вижу в форме! Всё больше в гражданском или в камуфляже, – Олег отстранил от себя Бориса, разглядывая его. – Класс! Тебе идёт!

– Да, я её редко надеваю, как-то в «гражданке» привычнее, – немного смущённо ответил Борис. – Присаживайся, – он кивнул в сторону двух кресел и столика, расположенных в углу кабинета.

Олег окинул взглядом кабинет. Солидно, ничего не скажешь. Обшитые дубовыми панелями стены и тамбур, покрытый зелёным сукном письменный стол. Рядом рабочий столик с телефонами и аппаратом селекторной связи. Длинный приставной стол с ровными рядами дешёвых стульев. Уголок отдыха. Но больше всего его поразил стоявший на столе новенький персональный компьютер.

Борис заметил, какое впечатление произвёл на друга интерьер его кабинета и остался доволен.

- А что, у вас у всех такие штуки? – спросил Олег, указав на компьютер.
- А то! Союзное министерство, между прочим!
- А у нас три на весь отдел, – вздохнул Олег. – Один – в паспортном отделении, один – в ГАИ, а ещё один «уркам»²³ отдали.
- А ты перебирайся ко мне – получишь такой же! Олег только махнул рукой.
- И ты умеешь с ним обращаться?
- Пока не очень, побаиваюсь я его, – вздохнул Борис. – Но не сомневайся, освою!
- Кто бы спорил...
- Присядь пока, – Борис вернулся к столу и нажал клавишу селектора: – Ирина, принеси нам два кофе и печенье. Небось, позавтракать, как всегда, не успел?
- Успеешь тут, прислал с ранья архаровца на мою голову!
- Ну, вообще-то, не так уж с ранья. В это время нормальные люди уже вовсю трудятся. Интересно, а что это ты ночью делал, что выспаться не успел?
- Олег проигнорировал вопрос. Его взгляд приковала к себе объёмистая папка, лежащая на журнальном столике. Борис перехватил этот взгляд.
- Почитай, это для тебя. А я пока текущие бумаги распишу. Между прочим, знал бы ты, сколько народа по всему Союзу на ушах стояли эти двое суток, чтобы собрать сию информацию.
- Олег не отвечал. Он с нетерпением открыл папку: рапорта, справки, выписки, протоколы, отчёты... Да, солидно поработали ребята!
- Слушай, как у тебя факс от перегрузки не взорвался? – уважительно произнёс он, потрясая пухлой папкой.
- Ты за мой факс не переживай. Лучше читай повнимательнее! Между прочим, все оригиналы спецпочтой направлены в адрес твоего отдела.
- Олег благодарно кивнул и углубился в изучение документов. Время от времени он довольно покручивал ус: неизвестные помощники поработали на славу – собрали за такое короткое время столько информации... Несмотря на наступившие смутные времена, машина розыска всё ещё функционировала слаженно.
- Молодцы! Классная работа! – Олег удовлетворённо откинулся на спинку кресла. – Нет, хорошо всё-таки иметь друга полковника, ну, на худой конец – самому быть генералом: щёлкнул пальчиком и, пожалуйста, – получай результат! Полстраны на тебя пашет! Мне бы одному за год столько не наворотить!
- Ну, насчёт полстраны – это очень сильно преувеличено, а в остальном ты прав... Знаешь, какая между нами разница? Ты привык работать в одиночку, «одинокый волк», а я организую на поиск десятки, если не сотни людей. Поэтому и возможностей у меня в десятки, а то и в сотни раз больше. Я тебе уже давно предлагаю: идём работать со мной! Получишь такие возможности, о которых ты сейчас даже не подозреваешь! И потом, это же Москва, а не твой городишко, которого даже на нормальной карте нет.
- А что я забыл в твоей Москве? Толчея, беготня, народ мечется, как в одно место ужаленный. Люди друг друга в упор не видят. Тут у вас загнёшься на улице, и никто внимания не обратит. Знаешь, Боря, я в последнее время даже красавицу Ригу в больших объёмах с трудом переносу. А у нас: уютно, спокойно, я там любой вопрос одним телефонным звонком решаю...
- Только не забудь про разницу в масштабах вопроса! Здесь у тебя появятся такие возможности, что твои «вопросы» покажутся тебе детской возней в песочнице. Да и не вопросы решать я тебя приглашаю, а работать, причём на качественно несоизмеримо более высоком уровне.

²³ «Урки» – шутовское прозвище работников уголовного розыска.

– Боря, давай закроем тему! На данный момент я вообще ничего не хочу!

– Нет, давай не увиливай! Давай доведём разговор до конца. Я, конечно, понимаю: тебе комфортно работать в одиночку. Отвечаешь только за себя. Но пойми, какой бы ни был классный сыщик, пусть даже гениальный, – есть предел возможности для одиночки. Время гениальных одиночек давно прошло! Сейчас работает машина следствия! Я не говорю про мелочёвку, я имею в виду раскрытие серьёзных преступлений и борьбу с серьёзной преступностью. И то, с чем мы с тобой полжизни боремся, в последнее время тоже стало походить на машину, порой даже более мощную, более отлаженную и лучше смазанную, чем наша...

– Лучше смазанную – это в точку... – усмехнулся Олег. – Боря, а ты романы писать не пробовал? У тебя бы здорово получилось.

– Ты увести разговор в сторону не пытайся. Не выйдет! Мне обидно, что человек с твоими способностями предпочитает отсиживаться в своей Тьмутаракани, размениваясь на мелочёвку. За державу обидно!

– Оставь державу в покое! – Олег начал заводиться. – Похоже, вообще у нас скоро будут разные державы. А в остальном, скажу тебе так: да мне нравится мой городок и вообще край, где я сейчас живу. Мне нравятся моя работа и мои сослуживцы. И если я сейчас уйду, то это очень будет похоже на бегство с поля боя. Короче, мы с ребятами решили так: или держимся все вместе до последнего, или все вместе уходим! И ещё: да я люблю работать в одиночку и отвечать только за себя, а не за кого-нибудь другого, да ещё перед людьми, которые настоящего бандюгу видели только по телевизору! Сейчас я имею дело с профессионалами, а если переберусь сюда, то придётся иметь дело с генералами, которые даже полковниками никогда не были, не говоря уже о лейтенантах! Я на этих надутых индюков с лампасами за эти два дня посмотрелся выше крыши...

– Ну, положим, и здесь ты будешь иметь дело только с профессионалами. Индюков с лампасами, как ты говоришь, оставь кому-нибудь другому. И без тебя найдётся, кому с ними разбираться...

– Кроме того, не забывай, что там у меня Алёнка похоронена...

– Олежа, нельзя же жить прошлым! Где бы ты ни работал, Алёнку уже не вернёшь. Дочка должна в нормальных условиях расти, самому надо думать, как дальше жить! Ладно, сбавим обороты. Похоже, я не ко времени затеял этот разговор.

– Да, Боря! Я хочу тебе сказать одно: нет у меня сейчас никаких ни карьерных, ни профессиональных устремлений. Ни-ка-ких!

– Понимаю тебя. Отложим разговор. Но я к нему обязательно ещё вернусь: через полгода, через год, через два...

– Вот тогда и поговорим! А теперь – о деле.

– А о деле вот что: есть у меня один сюрпризик. Ты же наехал на меня и не дал даже рассказать!

– Я наехал!?

– Ну ладно, замнём... Так вот, сейчас мы поедем в Жуковское. Там живёт один майор-отставник, который многое может рассказать о Митрофанове.

– Что за майор? – Олег подался вперёд.

– Ага, боевой конь почуял запах дыма! Ты ещё копытом побей! Нет у него никаких устремлений... Ты это Расскажи петуху на одесском рынке! Нет, брат, наш с тобой разговор ещё не окончен!

– Боря, не тяни кота за ...! Что за майор?

– Майор-особист... Ты рожу-то не вороти, – Борис заметил, как Олег недовольно скривился. – И среди них очень много порядочных людей! Майор служил в Афгане в одной дивизии с Митрофановым, и, было дело, даже разбирался с ним.

– Опаньки! Так поехали, чего мы сидим?

– Поехали!

Майор Семёнов жил бобылём в двухкомнатной квартире в обычном панельном доме. Три года назад, сразу же после Афганистана, он вышел на пенсию. Вернее, его попросили уйти на пенсию – видимо, честный, но излишне прямолинейный служака кому-то очень сильно мешал. С семьёй у него как-то не сложилось. Выйдя на «гражданку», Семёнов не пошел работать в какой-нибудь отдел кадров или «первый отдел»²⁴, что было бы естественно для человека его профессии, а устроился сменным оператором котельной. Работа – сутки через трое – его вполне устраивала. Всё свободное время он посвящал рыбалке. Вот и сейчас, сменившись с дежурства, он собирался выехать на озеро с ночёвкой. Планы майора были нарушены звонком в дверь.

Семёнов открыл дверь. На лестничной клетке стояла несколько странная парочка: молодой полковник милиции в пошитой с иголки форме и довольно расхристанного вида молодой мужчина в джинсах-бананах и чёрной футболке. Под мышкой у него была зажата коричневая кожаная папочка, а в руке – большой полиэтиленовый пакет.

– Чем обязан? – не очень любезно спросил Семёнов и осёкся, бросив взгляд на орденские планки на кителе полковника. – Проходите, – уже мягче добавил он, пропуская в квартиру непрошенных гостей.

– Полковник Щербаков, – представился Борис.

– Майор Островецкий, – кивнул головой Олег и, поставив на стол в гостиную полиэтиленовый пакет, принялся выгружать оттуда бутылки пива. Затем на свет божий была извлечена огромная сушёная рыбина.

– По какому поводу пируем? – несколько озадаченно спросил Семёнов.

– Виктор Алексеевич, извините нас, что сорвали Вам рыбалку, но возникла необходимость побеседовать, а это, – Борис кивнул на пиво и рыбу, – некоторая компенсация за испорченный выходной.

«Во дипломат!» – мысленно усмехнулся Олег. Идея с пивом была его. Вообще-то он настаивал на более крепких напитках, но Борис волевым решением понизил градус до пива.

Олег по привычке, несколько не смущаясь присутствием хозяина, стал осматривать квартиру.

«Да, не нажил майор палат каменных», – подумал он, разглядывая скромное жилище Семёнова, который тем временем разливал пиво по стаканам. Молча выпили. Беседа не клеилась. Олег раздумывал, как разговорить угрюмого майора. Встретил он их, скажем прямо, без особого радушия.

Семёнов вдруг встал и вышел на кухню. Вернулся оттуда с запотевшей бутылкой водки и банкой солёных огурцов.

– Я же говорил, что надо было водки взять, – начал было Олег, но Семёнов перебил его:

– Не надо, майор! Она была бы лишней, а это, – он кивнул на бутылку, – за встречу! Я сразу понял, что вы тоже служили «за речкой»²⁵.

– А что, по нам это так заметно? – Щербаков удивлённо вскинул брови.

– А ты на «иконостас» свой посмотри! Такое за протирание штанов в твоей конторе не дают. А у этого архаровца на роже всё написано...

– И что же написано на моей роже? – насупился Олег.

– Ну, не на роже, но... В общем, сдаётся мне, что ты тоже там бывал. Есть в тебе что-то такое, ну, не могу объяснить словами.

²⁴ «Первый отдел» – подразделение, обеспечивающее соблюдение режима секретности на предприятии.

²⁵ «За речкой» – за Аму-Дарьёй, в Афганистане.

– Ты прав, Виктор Алексеевич, – тоже перешёл на «ты» Борис. – Мы оба служили в Афганистане, причём даже в одно с тобой время.

Семёнов разлил водку по стаканам. Молча, не чокаясь, выпили. Захрустели огурцами.

– И что же вас привело ко мне? – спросил Семёнов. – Вижу, информацию обо мне вы подобрали...

– Нас интересует всё о полковнике Митрофанове.

– А в связи с чем?

Олег коротко рассказал об убийстве.

Реакция Семёнова была неожиданной:

– Достал всё-таки кто-то эту суку!

Островецкий и Щербаков молча переглянулись. В принципе, изучив собранные данные, они ожидали негативной реакции Семёнова, но не такой резкой. Хоть и знали, что одной из причин скоропалительной отставки майора был конфликт с Митрофановым...

– Расскажи-ка обо всём поподробнее, – Олег пристально взглянул на Семёнова.

– Ну, во-первых, – усмехнулся тот, – если вы думаете, что это я, то напрасно. Во время совершения преступления я был на дежурстве. Это легко проверить. Да и не стал бы я марать руки об эту гниду.

– Витя, давай без эмоций, спокойно и по порядку.

Семёнов плеснул себе в стакан немного водки и залпом выпил. Видимо, воспоминания о недавнем прошлом давались ему нелегко.

– Значит, так, – начал он, – служил я в особом отделе дивизии, и к нам поступила информация о том, что начальник штаба полка, прикрывавшего аэродром транспортной авиации, подполковник Митрофанов продаёт «духам» оружие в обмен на наркотики, которые потом вместе с транспортниками переправляет в Союз. Всё это было изложено в рапорте капитана Ярцева – командира группы спецназа, прикомандированной к полку Митрофанова. Я хорошо знал Сашу Ярцева, мы вместе провели несколько рискованных операций. Короче, разбираться по рапорту послали меня. Местному особисту не доверяли, справедливо полагая, что он тоже причастен к делишкам Митрофанова. Ну не могло такое твориться втайне от особиста! Не мог-ло! Короче, когда я прибыл в полк, то там уже было всё тип-топ... К то-то, видимо, слил информацию Митрофанову. По документам всё в ажуре, никто ничего не видел и не знает...

– А Ярцев?

– А группу Саши Ярцева я не застал. Она ушла на задание и с него не вернулась, – Семёнов скрежетнул зубами. – Понимаете, они попали в засаду на территории, которую контролировал полевой командир Амирхан, с которым у нас было негласное соглашение о нейтралитете. Когда подоспела подмога, спасти уже было некого... Как водится, разнесли в щепки кишлак, из которого пришли «духи». А затем опять замирились с Амирханом...

– Как так? – чуть ли не хором воскликнули Олег и Борис.

– Вот так! Амирхан долго извинялся, говорил, что произошла трагическая ошибка и виновные будут наказаны. И действительно, прислал затем голову одного из своих командиров, непосредственно командовавшего засадой.

– Зуб даю, Митрофанов обделывал делишки именно с Амирханом!

– Олег, оставь этот жаргон, некрасиво, – недовольно поморщился Щербаков.

Островецкий насутился, но промолчал. Мало кому он мог спустить такого рода замечания, но Борису Олег не перечил.

– Я тоже в этом был уверен, я и сейчас в этом уверен! Но я не думаю, что Митрофанов стоял во главе дела. Слишком мелкая сошка для такого рода предприятия. Несомненно, за его спиной стоял кто-то намного могущественнее. Но ясно и то, что Митрофанов не был простым винтиком в деле – он был одной из ключевых фигур.

– И ты не пытался этого доказать?

– Ещё как пытался! А мне сказали, что у меня нет доказательств, что мои логические построения к делу не пришьёшь, а ссориться с Амирханом без веских на то причин никто не будет. Амирхан, дескать, охраняет наш аэродром не хуже нас самих. И то правда! На территорию, которую контролировал Амирхан, без его ведома ни одна мышь не проскочила бы. Он очень толково наладил сбор информации, грамотно перекрыл свою территорию пикетами и подвижными группами. Ещё бы, мы же его сами и учили. Он же в своё время окончил рижскую среднюю специальную школу милиции и очень прилично говорил по-русски.

– Землячок, едрёна вошь! – усмехнулся Олег. – А знаете, я ведь мог с ним встречаться. Я же в то время заочно учился в рижском филиале Минской высшей школы МВД, располагавшемся в одном кампусе со средней школой милиции. Помню, когда я приезжал на сессии, то частенько видел афганцев на территории школы. Мой знакомый командовал их курсом. Они учились три года вместо двух. Первый год – только русский язык, а последующие два – по полной программе. Мой приятель ещё тогда посмеивался: мы знаем, что половина из них уйдёт к душманам, но ведь половина-то останется...

– Видимо, Амирхан из первой половины, – усмехнулся Семёнов. – Но он действительно очень хорошо прикрывал подходы к аэродрому. Но что он охранял: наши грузы или свою наркоту – большой вопрос! – лицо Семёнова исказилось гримасой ненависти. Он налил себе полстакана водки и залпом выпил.

– А Саша Ярцев и его ребята для них не причина конфликтовать с бандитом Амирханом! – грохнул он стаканом об стол.

– И чем всё закончилось?

– А ничем, – Семёнов вылил себе в стакан остатки водки. Воспоминания разбередили ему душу, и он пытался загасить их спиртным.

– Вы не думайте, мужики, я этим не злоупотребляю, – залпом опрокинув стакан, пробормотал Семёнов, – но как вспомню эту мерзость – напиться хочется! В общем, бегал я по начальству, рапорта писал, но ничего не выбегал. А потом как-то вошёл к Митрофанову в кабинет и врезал ему по роже.

– Ну?! – в голосе Олега явно проскальзывали нотки одобрения.

Борис лишь молча покачал головой, но как-то без осуждения.

– Шуму было! – довольным тоном продолжил Семёнов. Язык его уже слегка заплетался. – Хотели под трибунал отдать, но через неделю меня ранило. Серьёзно зацепило – полгода в госпитале провалялся. А дело за это время спустило на тормозах. Выписался из госпиталя, и предложили по-тихому уволиться. Хорошо, хоть пенсию успел выслужить...

– Знаешь, парень, – усмехнулся Олег, – тебе крупно повезло с ранением. Посуди сам, довести дело до трибунала – это предать всё огласке! Ты бы ведь там не молчал!? А оставить всё без последствий – значит, признать, что у Митрофанова действительно рыльце в пушку. Так что благодари Бога, что покинул Афган в санитарном самолёте, а не в цинковом гробу!

– Да я и сам об этом думал.

– Слушай, а у тебя есть афганские фотографии? Покажешь?

– А как же! Есть немного, – Семёнов встал и нетвёрдой походкой направился к комоду. – Вот, в отдельном альбоме держу, – он положил на стол небольшой фотоальбом.

Олег придвинулся поближе к Борису, и они стали рассматривать фотографии. Семёнов подсел сбоку и давал комментарии.

– А вот здесь мы с Сашей Ярцевым и его группой перед выходом на задание. Это за месяц до его гибели, – указал он на одну из фотографий.

Олег принялся внимательно рассматривать снимок. На нём были изображены семеро бойцов, облепивших БТР. Восьмой, в котором легко угадывался Семёнов, широко улыбаясь, стоял в обнимку с высоким блондином в «разгрузке»²⁶.

– Вот он, Саша, – указывая на него, грустно пояснил Виктор. – А вы знаете, в госпитале меня навещали сослуживцы. Так вот: кто-то мне сказал, что один из ребят был ещё жив и его отправили в госпиталь в Ташкент. Но он был уже не жилец – на нём живого места не было...

Олега будто током ударило. Вот! Вот оно, чёрт возьми! Он почувствовал, как напрягся Борис.

– Я ведь тел погибших ребят и не видел. Их сразу же в полевой госпиталь отправили, потом меня ранило, а отправляли их в Союз уже без меня, я – в госпитале, – продолжал Семёнов, не обращая внимания на собеседников. Речь его становилась всё менее связной, паузы между словами – всё длиннее. Видимо, он уже порядком захмелел.

– А кто из них был ещё жив? О ком ты говорил? – нарочито бесстрастно спросил Борис.

– Да вот, – Семёнов ткнул пальцем в одного из парней, изображённых на фотографии. – Это Сашин заместитель – Серёга Сирота, старлей. Он внезапно осёкся: – Мужики, вы это к чему?

Он взглянул на Олега и Бориса совершенно трезвыми глазами и потянулся к альбому.

– Стоп, майор, – Олег забрал альбом. – Это я изымаю...

– По какому праву? – взвизгнул Семёнов. Усилие воли, которое он затратил, чтобы на мгновение протрезветь, произвело обратный эффект – он совершенно расклеился.

– По праву того, что я следователь. Сейчас оформлю постановление о выемке, а потом и показания твои запишу под протокол, – жёстко ответил Олег.

– Суки! – заревел Семёнов. – Развели, падлы, как последнего мудака! Да вы такие же твари, как ваш Митрофанов, как его начальнички!

– Заткни пасть! – взорвался Олег.

– Молчать! – Борис резко дёрнул его за плечо. – Извини, Витя, – Щербаков участливо положил руку на плечо Семёнова, – извини друг, но мы расследуем убийство, и так нужно для дела. Когда протрезвеешь, самому будет стыдно за свои слова. А мы... Мы разберёмся во всём!

– Извини, старик! – уже миролюбиво сказал Олег, доставая из папочки бланки протоколов и постановлений. – Не люблю, понимаешь, когда меня обзывают плохими словами.

Пока Олег оформлял бумаги, Борис внимательно рассматривал фотографии в альбоме. Семёнов молча смотрел на них осоловевшими глазами. Также молча подписал протоколы допроса и выемки.

– Старик, как только закончу дело, я тебе обязательно верну альбом. Обещаю! Слово офицера!

Семёнов отмахнулся рукой и побрёл к дивану.

– Уходите, мужики. Видеть никого не хочу, – глухо произнёс он, отворачиваясь к стене.

Олег и Борис молча покинули квартиру.

– Ну? Как всё прошло? – изнемогающий от любопытства Синицын встретил их у машины. – А что это вы такие невесёлые?

– Знаешь, Олежа, – игнорируя вопрос Алексея, обратился Борис к Островецкому, – я чувствую себя так, словно мы сделали что-то недостойное, некрасивое...

– Да я тоже. Но мы с тобой ни в чём не виноваты. Работа у нас такая – приходится иногда и так, – Олег тоже чувствовал себя как не в своей тарелке.

– Между прочим, один из лучших следователей Латвии, а столько процессуальных нарушений, – Борис решил немного отвлечь друга от невесёлых мыслей.

– Это каких же?

²⁶ «Разгрузка» – специальный жилет с множеством карманов.

– Ну, во-первых, действительно, по какому праву ты выносишь постановление о выемке практически в чужой стране? Во-вторых, выемка не санкционирована прокурором, без понятых. А в-третьих, как это ты решился допрашивать, мягко говоря, не совсем трезвого человека? Олега, с каких это пор ты стал так вольно обращаться с законом?

– Отвечаю по пунктам. Во-первых, чужая или не чужая страна – ещё бабка надвое сказала. Новых законов или подзаконных актов ещё нет, поэтому я пользуюсь прежними. Во-вторых, мне Семёнов очень пьяным не показался. Или ты хочешь завтра ехать сюда и допрашивать его? А может, вызовешь его к себе повесткой? В-третьих, в неотложных случаях следователь сам может назначить выемку с последующим уведомлением прокурора. И ты это знаешь не хуже меня. А в-четвёртых, как ты себе представляешь выемку материалов у Семёнова в присутствии понятых – соседей или просто прохожих? Да завтра же поползут слухи, что бывший майор не в ладах с милицией. И кому ты потом докажешь, что Семёнов хороший мужик и чист перед законом?

– Ну, всё, всё, уел, – примиряющее поднял руки Борис. – А теперь, едем ко мне. Ксюша уже заждалась. Она там таких разносолов наготовила – пальчики оближешь!

– Только сначала заедем к тебе на службу. Надо отдать фото твоим криминалистам – пусть увеличат, как смогут. Потом разослать запросы, ориентировки. В общем, ещё куча работы...

– А лейтенант на что? Вот Алексей всем этим и займётся. А мы поедем ко мне домой. Завтра весь день гуляем по Москве, а в Ригу я тебя отправлю вечерним рейсом – в 19.15. Так что, можешь звонить, чтобы прислали за тобой машину.

– Зачем, я в таком случае преспокойненько доберусь последним автобусом. Он отходит от автовокзала в 23.20. А гонять просто так машину – у нас с бензином напряжёнка. Кстати, ты серьёзно собираешься разбираться с афганскими делишками Митрофанова?

– Во всяком случае, постараюсь. Начнём потихоньку негласную проверочку.

– Борь, может, не стоит? Тут можно в такое дерьмо влипнуть...

– Кто бы говорил... Сам-то ты куда влип?

– Так я же поневоле...

– А я – по своей воле!

Олег тихо вздохнул, понимая, что спорить с другом бесполезно.

Всю дорогу до Москвы Олег и Борис давали указания Синицыну. Алексей вёл машину и лишь изредка кивал в ответ.

– Ты бы хоть записывал что-нибудь! – посетовал Олег.

– Да не переживай ты за него! У него уникальная память, – ответил за Алексея Борис.

Высидев Олега и Бориса около дома Щербаковых, лейтенант уехал выполнять поручения.

– Олежа! – Оксана с визгом бросилась к нему на шею. Потом отстранилась, посмотрела ему в глаза и заплакала навзрыд.

– Ксюша, не плачь, не надо! – Олег и Борис гладили её по плечам, пытаясь успокоить.

– Знаешь, когда ты позвонил и сообщил об Алёнке, она всю ночь проплакала. Я её вальс-вальс отпаивал. Она хотела ехать на похороны, но я побоялся отпускать её в таком состоянии одну, – извиняющимся тоном произнёс Борис. – Видишь ты, знакомы они были всего ничего, а как сдружились! Ладно, пошли к столу...

Стол ломился от всевозможных яств. Олег давно уже не видел такой роскоши. Борис выставил на стол бутылку дорогого коньяка. Олег вышел в прихожую, где оставил свою дорожную сумку, и принёс оттуда бутылку таллинского ликера.

«Хорошо, что две бутылки захватил, – подумал он, – обегодились».

Выпили. Глядя на уминающего закуски Олега, Оксана украдкой вытирала глаза платочком. Потом стали петь. Впервые за два месяца Олег взял в руки гитару. Затем перешли на народные песни. Олег сидел между Борисом и Оксаной, обнимая их за плечи, и впервые за эти месяцы почувствовал себя спокойно и умиротворённо.

– Товарищ полковник, разрешите доложить?

– Докладывай!

– Островецкий в Москве встретился с неким полковником Щербаковым из главного управления уголовного розыска. Как оказалось, они дружат ещё с Афганистана. Затем вместе они посетили в Жуковском отставного майора Семёнова. О чём шла речь, выяснить не удалось. Полагаю, что о Митрофанове: Семёнов служил вместе с ним в Афганистане.

– Всё доложил?

– Так точно!

– Ты отдаёшь себе отчёт в том, что произошло? Вас обвели вокруг пальца как сопливых пацанов. Пока Островецкий, изображая из себя паиньку, похаживал по кабинетам, его друг-полковник, по всей видимости, развил бурную деятельность. Ты хоть представляешь себе возможности полковника ГУУРа?

– Так точно!

– Ни хрена ты себе не представляешь! Что они за это время могли накопать? Тебе не кажется, что ситуация вышла у нас из-под контроля? И почему не удалось выяснить, о чём беседовали Островецкий и Щербаков с Семёновым?

– Наши люди попытались поговорить с Семёновым. Тот был сильно пьян и послал их...

– Майор, тебе не кажется, что ты провалил операцию?

– Никак нет, товарищ полковник! В любом случае «важняк» сообщит в свой отдел о ходе расследования и даст указание на проведение очередных оперативно-розыскных мероприятий. Вот тогда-то мы и узнаем всё, что они в Москве успели нарыть.

– Смотри, майор! Сам понимаешь, что стоит на кону. В случае чего, не поздоровится ни мне, ни тебе. Значит так, подготовь все мероприятия по переводению операции в активную фазу! И чтобы больше никаких проколов! Всё ясно?

– Так точно, товарищ полковник!

– Здорово, братка!

– Олежа, привет! Как там Москва? Накопал чего-нибудь?

– Не чего-нибудь, а, думаю, практически всё! Сейчас тебе по факсу перешлют ориентировку и фотографию. Размножь фото и немедленно организуй проверку!

– Даже фото нарыл!? Ну, ты даёшь! А у нас тут тоже кое-что проклюнулось. Одна из продавщиц в табачном ларьке вспомнила интересного молодого человека, купившего два блока «Севера». Уже сделали фоторобот.

– Вот и сравнишь его с фотографией. А наш «приятель» совершает ошибки. Ему бы по две-три пачки покупать в разных точках, а он сразу два блока – вот и привлёк внимание. Если, конечно, это он.

– А может, он не захотел засвечиваться в нескольких местах? Понадеялся, что здесь его не запомнят? Ладно, разберёмся...

– По моей фотографии немедленно начинайте отработку по полной программе: циркуляры, ориентировки – по всей республике, всем линейным отделам и таможенным постам – в обязательно порядке!

– По твоей фотографии?

– Долгоногов, ты у меня дошутишься! Ехидничаешь не ко времени! Естественно, по фотографии подозреваемого, которую я высылаю тебе. И снова: поквартирный обход, вокзал, автостанция, дальнотойщики, магазины и так далее!

- Опять?! Олежа, мужики нас проклянут!
- Не проклянут! У тебя есть другое предложение?
- Нет.
- Тогда не вякай! Теперь есть с чем ходить и что предъявлять людям.
- А ты когда домой?
- Вечером вылетаю.
- Я тебя встречу в аэропорту.
- Не надо. Занимайся делом. На последнем автобусе доеду. Остановка-то недалеко от моего дома. Всё, бывай, до встречи!
- Пока, Олежа!

Олег, Борис, Оксана и Алексей Сеницын стояли в буфете аэропорта за высоким барным столиком, на котором сиротливо разместились четыре рюмки коньяка и блюдо с нарезанным лимоном. У ног Олега лежала его дорожная сумка, заметно прибавившая в объёме: Оксана под завязку утрамбовала её всяческой снедью. Рядом стоял пластиковый кейс, битком набитый бумагами.

«Да, неплохо поработали, – подумал Олег. – Уезжал с тощей папочкой бланков, а сейчас кейс едва закрывается. И это не считая того, что идёт сейчас спецпочтой со всех концов страны».

«Что бы я без тебя делал, старый дружище?» – Олег с благодарностью посмотрел на Бориса.

За столом установилось обычное в таких случаях неловкое молчание: затевать серьёзный разговор в ожидании посадки – бессмысленно, а к пустопорожней болтовне никто не был расположен.

– Всё, ребята! – Олег решил прервать тягостное ожидание. – Выпьем за успешный полёт и за удачу, и я пойду. Долгие проводы – лишние слёзы!

Чокнулись, выпили. Олег забросил на плечо сумку, взял кейс.

Неожиданно Оксана прильнула к его груди и, едва сдерживая слёзы, вымолвила:

– Олежка! Переезжай к нам. Боря говорил, что может устроить тебе перевод. Переезжай! Что ты там будешь в такое беспокойное время один с ребёнком на руках? А здесь мы рядом, опять же за Светланкой присмотрим...

– Спасибо, Ксюха! – еле сдерживая подкативший к горлу комок, Олег поцеловал её в щёку. – Но я там не один. Хотя... Знаешь, я подумаю, – впервые Олег не ответил прямым отказом.

– Лёд тронулся, господа присяжные заседатели! – Борис широко улыбнулся. – Надо было сразу Ксению засылать!

Олег и Борис на мгновение посмотрели друг другу в глаза, крепко обнялись, и Островецкий зашагал к служебному проходу, около которого Сеницын уже о чём-то оживлённо беседовал с дежурными милиционерами.

– Ну, бывай, Лёха! – Олег крепко пожал ему руку. – Может, ещё и свидимся!

– Обязательно свидимся, товарищ майор! Земля-то – она круглая!

Олег прошёл мимо козырнувших милиционеров и направился в зал ожидания. Оксана, уже не сдерживая слёз, перекрестила его вслед.

Самолёт прибыл в Ригу по расписанию. Олег не сдавал вещи в багаж, поэтому сразу же после посадки через служебный выход покинул здание аэропорта. На рейсовом автобусе добрался до центрального автовокзала. До отправления его автобуса оставалось ещё сорок минут. Олег присел на скамейку и достал из кейса два снимка. На одной фотографии был изображён улыбающийся парень лет двадцати пяти, в бронежилете и с АКМ на груди. Это

было увеличенное фото со снимка, изъятого у Семёнова. На другой – ксерокопии – был тот же парень, но на несколько лет моложе, в курсантской форме. Эту ксерокопию привёз ему Синицын прямо в аэропорт.

«Так вот ты какой, Сергей Павлович Сирота, – Олег мысленно перебирал в памяти всю информацию о нём. – Детдомовец, отсюда и фамилия. О родных никаких сведений нет, военное училище, недолгая служба в Пскове, Афганистан... Да, негусто, негусто... Что ещё? Из ташкентского госпиталя в бессознательном состоянии был переведён в краснодарский госпиталь. Оттуда пока ответа не поступало. Ах да, очень важный момент: правый клык сколот – занимался боксом в училище, был даже кандидатом в мастера спорта. Хорошо, что один из сокурсников вспомнил эту мелочь. Хм, «мелочь». Из таких вот «мелочей» и состоит наша работа. Теперь осталось только найти подтверждение тому, что это именно он был в нашем городе, и всё, Сергей Павлович, – ваша песенка спета! Задержим – ещё много чего нароем...»

Олег закрыл кейс и встал навстречу подъезжающему автобусу.

Была непроглядная темень, когда Олег подходил к своему дому. Обитатели крупнопанельной «пятиэтажки», видимо, уже крепко спали – во всяком случае, ни в одном окне света не было.

Олег открыл дверь в подъезд и замер на пороге... Скорее чутьём, чем разумом, он понял: что-то не так. В подъезде темно, не горит лампочка, хотя Янка Пуриныш с первого этажа внимательно за этим следит с тех пор, как по пьянке в темноте разбил себе голову. Машина у соседнего подъезда, военный «уазик» – в доме живёт много военных, но служебные машины на ночь не остаются, им положено в это время находиться в части...

Олег постоял немного, чтобы глаза привыкли к темноте. Рука машинально потянулась к подмышке. Чёрт! Кобуру с пистолетом оставил в сейфе перед отъездом... Олег переложил кейс в правую руку и весь обратился в слух, напоминая сейчас готового к прыжку зверя. Он осторожно поставил на пол дорожную сумку, правую руку с кейсом подтянул к животу, как бы прикрывая его. Набитый бумагами пластиковый кейс может служить хорошей защитой не только от ножа, но и от пули. Левую, согнутую в локте руку, Олег поднял вверх, прикрывая голову, и бесшумно скользнул вперёд. Он скорее почувствовал, чем увидел кого-то перед собой. Тяжёлый пластиковый кейс с алюминиевыми окантовками в умелых руках может мгновенно превратиться из орудия защиты в грозное орудие нападения, наподобие кистеня. Олег резко выбросил руку с кейсом снизу вверх. Кейс, описав дугу, подобную апперкоту²⁷, с хрустом врезался углом в чьё-то тело. Раздался дикий вопль. «Челюсть «ушла» у кого-то!» – промелькнуло в мозгу. Не убавляя хода, Олег резко повернулся вокруг своей оси. При этом, зажатый в руке кейс, превратившийся в мощное оружие, описав почти полный круг, вновь врезался во что-то мягкое. К то-то вскрикнул от боли. Олег в два прыжка преодолел лестничный марш и на площадке между этажами развернулся, прижавшись спиной к стене и защищая кейсом живот. Он вновь был готов к отражению атаки...

– Это что тут такое происходит? – кто-то завозился в замке квартиры на первом этаже.

Послышался топот ног – нападавшие бросились к выходу. Внезапно раздался звук падающего тела. Кто-то яростно заматерился...

«Вот и баул нечаянно сработал», – подумал Олег и с облегчением перевёл дух. Послышался шум отъезжающей машины. Дверь квартиры, наконец, отворилась, и оттуда хлынул яркий свет, освещая тёмный подъезд.

²⁷ Апперкот – удар снизу вверх, в челюсть или солнечное сплетение (бокс).

– Йохайды!²⁸ Опять свет не горит! – на пороге квартиры стоял полусонный Янка в длинных семейных трусах с всколоченными волосами. – Островецкий, это ты? – он наконец заметил Олега. – На тебя что, напали? Может, милицию вызвать?

– Да я уже и так здесь! – отшутился Олег. Напряжение схватки медленно отпускало его. – Спи, Янка! Спасибо тебе!

Олег устало побрёл вверх по лестнице. Он поднялся на пятый этаж, вошёл в свою квартиру и тяжело опустился на табуретку в прихожей.

«Итак, что же это было? – Олег, размышляя, прикрыл глаза. – Покушение на убийство? Вряд ли, хотели бы убить – убили бы. Просто расстреляли бы на подходе к дому. А если не хотели поднимать шум? Если хотели заколоть по-тихому? Стрельба ведь могла бы навести на след военных, а «посадить на перо» – милое дело: мало ли врагов у «важняка» среди «блатных»?

В том, что это были военные, Олег не сомневался.

«Что же они всё-таки хотели? Убить или напугать? А может, просто отметить и вывести на время из строя? Ладно, потом разберёмся. Но впредь надо быть поосторожнее». Размышляя таким образом, Олег принялся сооружать у двери некую нехитрую конструкцию. Он взял ведро и зацепил его дужкой за щётку швабры, которую прислонил к двери. Теперь, если кто-то попытается втихую проникнуть в квартиру, это вызовет страшный шум. Олег проверил задвижки на окнах и отправился в гостиную на диван. Спать лёг, не раздеваясь, положив под подушку самодельный эковский топорик – подарок знакомых офицеров из колонии. В который раз пожалел об отсутствии пистолета.

«Надо будет какой-нибудь неучтённый ствол «заныкать», – засыпая, подумал Олег. Перелёты, автобусы, недавняя схватка дали о себе знать – он словно провалился в какую-то яму...

– Слушаю!

– Товарищ полковник, извините, что пришлось потревожить в столь позднее время...

– Можешь не извиняться. Зря не разбудил бы! Ну, что ещё стряслось?

– Нападение на Островецкого не удалось. Была поставлена задача вывести его из строя на одну-две недели, но он оказался расторопнее. В общем, у сержанта Кудрявцева сломана челюсть, а у капитана Лагутовского – сильный ушиб груди, подозрение на перелом ребра.

– Неслабо Островецкий ваших людей отделал! Плохо их учите! Вчетвером одного не смогли одолеть. Ну что ж, выбора у нас не осталось. Ты знаешь, майор, что тебе надлежит сделать!

– Товарищ полковник, но это как-то...

– Отставить сюнтяйство! Ты на службе, майор! Выполнять приказ!

– Есть!

Олега разбудил трезвон телефона. Он спросонья поглядел на часы: девять утра. Чёрт подери! Сегодня же суббота, и он с дороги – могли бы дать ему выспаться...

– Какого лешего? – раздражённо рявкнул Олег в трубку. – Жить без меня не можете?

– Олег Семёнович, – услышал он вежливый незнакомый голос. – Выслушайте меня внимательно, не перебивайте и не бросайте трубку.

– Кто это? Что вам нужно? – сон мгновенно улетучился.

– Ваша дочка у нас. С ней ничего не случится, если Вы перестанете проявлять активность в деле Митрофанова. Скажитесь больным, напейтесь, я не знаю, что ещё, но сидите дома. И придержите Долгоногова...

– Слушай ты, падла! – голос Олега клекотал от ярости. – Если с дочкой что-нибудь случится, я вас зубами грызть буду!

²⁸ Йохайды – что-то вроде «чёрт поberi!» /латышск./.

– Я же просил не перебивать! – говоривший также повысил тон. – Если Вы выполните наши требования, то с девочкой ничего не случится, мы вернём Вам её в целости и сохранности, – в трубке послышались короткие гудки.

Секунду помедлив, Олег срывающимися пальцами начал набирать номер телефона матери в Белоруссии. На том конце трубку не брали. Тогда он набрал номер телефона её соседки. К трубке долго не подходили.

– Ну, ну же, – бормотал он, как будто это могло поторопить кого-то на том конце провода. Наконец кто-то снял трубку.

– Тётя Валя!?

– Ой, Олеженька, а у нас беда! Светочка пропала, твоя мама побежала заявлять в милицию...

Олег в бешенстве швырнул трубку в стенку. Разлететься на кусочки ей помешал провод. Он смёл вазу со стола.

– Суки! Твари! – взревел он. – Ребёнок-то здесь при чём?

Он рывком открыл дверцу бара, выхватил оттуда початую бутылку виски, одним движением резко свернул пробку, сделал большой глоток и закашлялся...

«Какая гадость!» – подумал он. Но «гадость» сделала своё дело – приступ ярости начал проходить. Олег сел на диван и обхватил голову руками. Так, надо прийти в себя и успокоиться. Бешенством здесь не поможешь. Они ведь только этого и хотят: сломать тебя, вывести из равновесия, чтобы ты сидел, жрал водку и выл от бессильной ярости. Олег уже полностью взял себя в руки. Внешне он был абсолютно спокоен, но если бы кому-то довелось сейчас заглянуть в его глаза, то он пришёл бы в ужас – это были глаза перешедшего грань добра и зла, готового на всё человека.

«Прежде чем кого-то «грызть», его надо найти», – отстранённо подумал Олег. Он подошёл к окну, не отдёргивая гардины, стал осматриваться. И сразу же заметил припаркованный у дома напротив военный микроавтобус. Само по себе это не вызвало бы подозрений – в том доме проживало немало военных. Но такой машины там никогда не было. Олег внимательно продолжал осматривать дом напротив: окно за окном, подъезд за подъездом. Оп-па! В чердачной будочке, прикрывавшей выход на крышу, блеснула оптика.

«Плотно обложили», – Олег отошёл от окна и поднял валявшуюся на полу трубку. Телефон, как ни странно, работал. Развинтив трубку, он там увидел то, что не стало для него неожиданностью. На микрофоне лежала малюсенькая чёрная таблеточка. «Твою мать! Я таких даже и не видел. Наши – раз в пять больше», – подумал Олег. Он завинтил обратно трубку и положил её на место.

«Да, неплохо снабжаются «коллеги», – думал Островецкий, методично, шаг за шагом, обследуя квартиру. В итоге кропотливых поисков он нашёл ещё две закладки «прослушек». Олег взял стакан, плеснул в него виски, сел в кресло и задумался. Потягивая из стакана маленькими глоточками, он размышлял, сопоставлял, прикидывал по времени... Неприятная на вкус жидкость, как ни странно, помогала думать. Постепенно вырисовывался план действий...

Олег одним глотком допил остаток виски, взял телефонную трубку и набрал номер.

– Долгоногов у аппарата!

– Ояринь, – нарочито заплетающимся языком начал Олег, – ты на работе?

– Очень умный вопрос! А куда ты звонишь? Между прочим, по твоей милости весь розыск пашет, несмотря на субботу. Нет, мне это нравится: навалил нам заданий по самое не балуй, а сам с утра лыка не вяжет! Мы думали дать ему выспаться с дороги, а он...

– Ояр, не бухти! – перебил Долгоногова Олег. – Возьми из моего сейфа бутылку водки и дуй ко мне!

– Островецкий, ты что охренел!? – взревел Ояр. – Мы тут...

– Делай, чё сказано!

– А как я твой сейф открою?
– Возьми у дежурного дубликат ключей. Сам разберёшься? Или мне ему позвонить?
– Ещё чего не хватало? Чтобы ты с ним своим заплетающимся голосочком разговаривал, а назавтра весь отдел гундел, что майор Островецкий во время аврала нажрался, как свинья. Сиди уж... Сейчас приеду! – Ояр бросил трубку.

Через двадцать минут длинно и противно затренькал дверной звонок. Олег посмотрел в глазок и открыл дверь. На пороге стоял Ояр, всем своим видом выражая возмущение. Пола его куртки подозрительно оттопырилась, ноздри гневно раздувались. Олег с интересом смотрел на него.

– Ты что себе поз..!? – Ояр осёкся, увидев совершенно трезвые глаза Олега, и в полном недоумении уставился на него. Тот приложил палец к губам и кивком головы пригласил Долгоногова в квартиру.

– Ояринь, пошли, выпьем! – продолжая изображать пьяного, Олег жестом позвал Ояра в ванную комнату. Тот, не переставая удивляться, последовал за ним.

– Говори потише – хата на прослушке, – полушёпотом произнёс Олег, когда они расположились в ванной. – Принёс?

– Ты это имел в виду? – Ояр достал из-под полы кобуру с пистолетом.

– Молодец! Я был уверен, что ты врубишься!

– Так в сейфе никакой водки и не было... Олежа, что произошло?

– Светланку похитили.

– Чего!?

– Тише ты! Здесь-то чисто, а в кухне «жучок»...

– Вот твари! Чего они хотят?

– Чтобы мы спустили дело Митрофанова на тормозах. Тогда и Светланку вернут.

– Ну и хрен с ним, с этим делом! Соглашайся с ними! Ничего не стоит того, чтобы рисковать малышкой!

– Ояр, ты что, не врубился? Да мне начхать на всё! Гори эта служба синим пламенем! Если бы я был уверен, что её вернут в целости и сохранности, я бы пошёл на все их условия – сидел бы дома и пальцем бы не шевелил! Просто, есть большая доля вероятности того, что Светланку не вернут...

– Как?! Они что – звери?

– Посуди сам, похищена дочь офицера милиции. Местные органы уже на ушах стоят. Это дело на тормозах не спустишь. И эти твари понимают, что я этого так не оставлю. А малышке ведь не два-три года, ей шесть лет, и она может дать довольно чёткое описание похитителей и места, где её содержали. Теперь понял?

– Чёрт! Что же делать?

– Мне нужна машина. Достанешь?

– Не вопрос. Олег, возьми меня с собой!

– Нет. Ты мне нужен здесь. Будешь изображать дикий загул. Помнишь, мы отмечали твои капитанские погоны? А потом, когда все ушли, мы продолжали с тобой пить, а затем горланили песни под гитару. Ты ещё для хохмы записал всё это на кассету. Помнишь?

– Да помню, конечно!

– Так вот, эту кассету я зарядил в магнитофон. Используй и её тоже. В общем, братишка, тани время. Играй так, чтобы тебе поверили даже потомки Станиславского! Помни, что от тебя теперь зависит моя голова, и не только моя. На телефонные звонки не отвечай! Будут звонить в дверь – посылай всех куда подальше! Всех абсолютно! Ломать дверь они не рискнут... Пошли, покажу тебе что-то...

Они вышли из ванной комнаты и прошли на кухню. Из-за гардины Олег жестами показал Ояру микроавтобус и наблюдателя. Долгоногов молча кивнул.

– Ояр, блин, ты чего принёс только одну бутылку? – капризным тоном пьяно загундосил Олег. – Дуй теперь в магазин и затарься, как положено!

– Дуй... дуй... – Ояр тоже неплохо изображал нетрезвого. – Сам сказал: возьми бутылку, я и взял... одну, там только она и была. Теперь шляйся из-за тебя по магазинам. А если кто увидит? Все же пашут. Нас потом с дерьмом сожрут...

– Не сожрут! Суббота... выходной... Имеем право отдохнуть. В гробу я их видал с их работой, – пьяно разглагольствовал Олег.

Ояр вышел, нарочито громко хлопнув дверью. Олег прошёл в спальню и открыл дверцу шкафа. Это была секция жены, и с момента похорон он не открывал её. Олег молча перебирал вещи. Эту длинную клетчатую юбку Алёнка носила, когда ходила беременной; если распороть её сзади по шву – налезет. А вот этот огромный жакет ей связала тёща, чтобы живот оставался в тепле. Олег сложил вещи в небольшую холщовую сумочку. Сверху положил большой серый пуховый платок. Им он иногда обматывал поясницу, когда прихватывало. «А теперь употребим по назначению», – усмехнулся он.

Ояр вернулся примерно через час, притащив с собой большую хозяйственную сумку.

– О, молодец! Сейчас затарился нормально, – Олег выгружал из сумки бутылки, нарочито громко ставя их на стол. – И закуси набрал... Ну, живём!

Ояр кивком головы пригласил Олега в ванную.

– Вот ключи. Это от Машкиного «жигуля». В багажнике две полные канистры бензина. Машину я оставил за магазином. «Хвоста» не было, я проверялся. Кроме «кадра» на чердаке и «микрушки», за домом стоит ещё «уазик». Там три или четыре человека в камуфляжке с удочками – типа на рыбалку собрались. Они перекрывают трассу, а магазин с их места почти не виден.

– Рыбачки, стало быть, – недобро усмехнулся Олег. – Ну, это резервная группа. В микроавтобусе, полагаю, слухачи, а на чердаке – наблюдатель. В общем, дислокация понятна.

Олег взял маслёнку и принялся обильно смазывать дверные петли. Затем перекинул через плечо холщовую сумочку и, слегка приоткрыв дверь, проверил петли. Скрипа не было. Олег и Ояр коротко переглянулись и, движимые внезапным порывом, крепко обнялись. Несколько мгновений постояли молча, затем Ояр слегка отстранился от Олега и немного неловко дружески ткнул его кулаком в плечо – мол, давай, брат, ни пуха тебе... Олег подмигнул ему и бесшумно скользнул за дверь. Так же бесшумно дверь за ним закрылась.

Оказавшись на лестничной клетке, Олег не стал спускаться вниз, а, наоборот, по железной приставной лестнице поднялся в чердачную будочку. Уф, память не подвела – дверца чердачной будочки была открыта (когда Олег последний раз лазил на крышу, он не закрыл её). Слава богу! А не то пришлось бы ломать стенку будки с противоположной стороны. Дело в том, что дверца была как раз со стороны наблюдателя, и её движение не осталось бы незамеченным.

«Наблюдай-наблюдай, – злорадно подумал Олег. – Со своего места ты сможешь заметить только идущего по крыше человека, а вот ползущего – фигушки!»

Прежде Олег готов был растерзать человека, спроектировавшего эту крышу, а теперь ему хотелось расцеловать его. Дело в том, что крыша была не водоскатной, а водосборной, образуя собой нечто вроде бассейна. Ливневый водослив частенько засорялся, из-за чего крыша в период дождей была полна воды, затапливая порой квартиры верхних этажей. Но теперь этот «шедевр» инженерной мысли был как никогда кстати. По крыше можно было незаметно для наблюдателя проползти от первого подъезда, где жил Олег, до третьего, где находился второй выход.

«Вот это ваш первый прокол – не учли конструкцию крыши», – подумал он, выползая из будочки на крышу. Добравшись ползком до будки третьего подъезда, Олег немного передохнул в ней и стал переодеваться.

Через несколько минут из дверей третьего подъезда вышла высокая сгорбленная старуха в длинной клетчатой юбке и бесформенном жакете. Голова её была повязана серым пуховым платком, закрывавшим лицо практически до глаз. Смешно переступая кривыми подагрическими ногами, старуха не без труда побрела в сторону магазина. В руках у неё болталась холщовая сумочка. Если бы стороннему наблюдателю довелось бы заглянуть в эту сумочку, он был бы несказанно удивлён – в сумочке лежала завернутая в джинсовую куртку кобура с пистолетом.

«Старуха» добрела до стоянки автомашин около магазина и остановилась передохнуть возле зелёной «шестёрки». Оглядевшись вокруг, она вдруг быстро открыла дверцу и ловко впрыгнула на сиденье.

«А это ваш второй прокол, – подумал Олег, сбрасывая с головы платок и заводя двигатель. – Надо было и со второй стороны дома поставить пост».

Он бросил взгляд на сиденье пассажира. Там лежали: большой китайский термос, видимо, с кофе, пакет с бутербродами и маленький пакетик с леденцами. «Вот паразит – всё предусмотрел, – с теплотой подумал Олег о друге. – Даже леденцы положил». Он знал о привычке Ояра брать с собой в дальнюю дорогу леденцы, чтобы бороться со сном.

«А вот это ваш третий прокол, – усмехнулся Олег. – Зря вы не «пасли» Ояра и дали ему свободу действий».

Олег неспешно вырулил со стоянки, так же неспешно внутренними улочками выехал на шоссе и дал газу. Через полчаса он был уже около дома Женьки Венского. Внимательно оглядевшись и не заметив ничего подозрительного, Олег постучал в дверь. Венский уже ждал его – Ояр успел и ему позвонить. Помня о том, что Олегу нужна конфиденциальность, Женька безропотно вышел наружу, когда Островецкий потянулся к телефонной трубке. Через пять минут Олег вышел из дома. Лицо его было хмурым: глаза сузились, на скулах ходуном ходили желваки. Он молча пожал Женьке руку. Тот также молча протянул Олегу пакет с булочками. Некоторое подобие улыбки немного смягчило жёсткое выражение лица Островецкого. Он сел в машину и резко тронул с места. Ему предстояло за десять – одиннадцать часов преодолеть почти тысячу километров.

– Лагутовский?

– Так точно, товарищ майор.

– Докладывай, как там наш объект?

– Да всё нормально. После Вашего звонка он начал бушевать, бить посуду, потом утихомирился и вызвал Долгоногова. Сейчас они квасят и песни орут. Он сгонял Долгоногова в магазин, и тот притащил столько, что им за неделю не выпить.

– Откуда знаешь?

– Да видно было, какую тяжёлую сумку он прёт.

– За Долгоноговым проследили?

– Нет, у меня же людей мало. Да и Вы же знаете Долгоногова: если бы он заметил слежку, то запросто мог бы и рожу набить – с него станется. А зачем нам лишний шум?

– Хорошо, сколько он отсутствовал?

– Около часа.

– Как? Там же рядом есть магазин?!

– Вот и видно, товарищ майор, что Вы непьющий. В этом магазине нет винно-водочного отдела, а ближайшая точка отсюда примерно в получасе ходьбы.

– Вы что, уже успели затариться?

– Как можно, товарищ майор...

– Ну смотри мне... Если что – шкуру спущу! Не расслабляться!

– Есть не расслабляться, товарищ майор!

Капитан Лагутовский пальцами сделал «козу» трубке радиотелефона и положил её на тангенту.

– Как же, эти сволочи там бухают, а мы тут будем сидеть «сухонькими», – Лагутовский достал из тумбочки, на которой стояла аппаратура, бутылку водки и тоном, не терпящим возражений, приказал оперативнику, сидящему на переднем сиденье микроавтобуса: – Доставай из бардачка стаканы, будем разговляться!

Возражений, естественно, не последовало.

Скорость, теперь только скорость. Олег гнал машину, выжимая из неё 120–130 километров в час. Повезло ещё, что была суббота, выходной день. Машин на трассе почти не было, чему явно способствовал дефицит бензина в стране. До Белоруссии Олег останавливался только дважды: на вновь открывшемся таможенном посту на латвийско-литовской границе, где пожилой латыш-таможенник, бывший участковый инспектор, пожелал ему счастливого пути, и на посту ГАИ около Вильнюса, где немолодой лейтенант лишь молча козырнул ему в ответ на протянутое удостоверение.

Границу Литвы и Белоруссии Олег пролетел без остановки – таможенный пост здесь, слава богу, ещё не поставили. Ещё одну остановку пришлось сделать около Минска, чтобы дозаправить бак, и помчался дальше. Дороги в Белоруссии были похуже, чем в Прибалтике, но, к счастью, грузовиков на трассе практически не было, а те, что изредка попадались, Олег обходил с ходу на большой скорости.

К городу своей юности он подъезжал уже поздно вечером. На въезде в город его остановил инспектор ДПС. Молоденький лейтенант долго изучал удостоверение, а затем, козырнув, предложил:

– Товарищ майор, перейдите, пожалуйста, в нашу машину.

У Олега сжалось сердце: неужели Ояр проколотся и его – майора Островецкого – ищут сейчас по всей стране. Рука медленно скользнула к лежащей рядом с сиденьем кобуре. Она была расстёгнута, ладонь привычно обхватила рифлёную рукоятку пистолета, что не ускользнуло от внимания лейтенанта.

– Там вас Александр Николаевич ждёт, – еле заметно улыбнулся он.

Олег шумно выдохнул. Он вышел из машины и направился к машине ДПС, откуда уже вылезал кражистый мужчина в тёмном костюме. Они обнялись.

Майор Александр Бобёр возглавлял в областном уголовном розыске оперативно-розыскной отдел. С Олегом они дружили с детства: вместе занимались самбо, вместе ездили на соревнования. После школы их пути разошлись: Олег поступил в Транспортный институт, а Александр – на факультет физического воспитания в Университет. Некоторое время они ещё вместе тренировались и выступали на соревнованиях, пока Александра не призвали после университета в армию. Отслужив положенный год, он, неожиданно для всех, пошёл работать в милицию. А Олег перебрался в Латвию.

С Александром с тех пор он встречался изредка, приезжая на родину в отпуск.

– Санька, ну ты даёшь! Я же чуть пальбу не поднял!

– Извини, Олежка! Не подумал, что ты весь на нервах! Извини, брат! Я, как узнал, что твою дочурку похитили, так у меня чуть матка не опустилась, – изысканностью выражений Александр и раньше не отличался, не особенно, впрочем, рефлексировав по этому поводу. – Я же её видел года четыре назад. Она тогда ещё совсем маленькой была. А как Алёнка? Держится?

– А Алёнка – никак. Погибла в автоаварии два месяца назад...

– Б... дь! Да что же это творится! Ну ты как обухом по голове...

– Ладно, Саня, давай по делу!

– Значит так, Светланку похитили около восьми утра. Она гуляла во дворе. К ней подошла какая-то женщина, что-то ей сказала и увела к машине – белые «Жигули», номеров, естественно, никто не запомнил. Хорошо ещё, что это видел сосед, который выносил мусор. Я потом этого старого козла чуть не прибил – не мог, падла, вовремя шум поднять. Мне, говорит, всё равно, кто куда едет... Вот из-за таких сук равнодушных – все беды...

– Саня, не отвлекайся!

– Ну, так вот, твоя мать обнаружила пропажу малышки около девяти утра. Прикинь, блин, из-за этого хрыча почти час потеряли...

– Саня!

– Понял. Короче, мать позвонила в райотдел, а там дежурный ей: мол, сейчас ничего нельзя сделать – приходите через трое суток. Ну, с этим мудаком мы будем потом разбираться! Так вот, мать побежала в райотдел, и хорошо, что их заместитель по оперработе был в это время там. Тут всё и завертелось. Дежурного (это, скажу тебе, мудак редкий!) отстранили от несения службы, срочно сообщили к нам в управление: сам понимаешь, не каждый день пропадают дочери майоров милиции. Ну, врубили план «Перехват», поставили всех на уши... – бесполезно, никаких следов. Хорошо ещё, что во время поквартирного обхода этого старого хрыча удалось разговорить – хоть какую-то информацию получили.

– Так что, «глухо, как в танке»? – потухшим голосом спросил Олег.

– А кто тебе сказал, что «глухо»? – подмигнул ему Александр. – Мы тут тоже не пальцем деланные. Когда ты позвонил и рассказал, что к чему, стало ясно, куда бурить. Я тут прикинул хер к носу и вспомнил одно дельце. Полгода назад мы раскручивали похищение: у местного кооперативщика, а по совместительству активиста Белорусского народного фронта, похитили дочку. Сначала подумали на блатных – рэкет и так далее, но о выкупе никто и не заикался. А потом вдруг кооперативщик вообще слинял из города. Обнаружился у соседей – в Брянске, где ему кто-то уже вернул девочку. Тогда мы стали бурить в другую сторону, связав похищение с его общественной деятельностью, и нам тут же дали по рукам. Всё ж мы успели выяснить, что за всем этим стоит «комитет». А теперь прикинь: и тут, и там – тот же почерк, и тут, и там – баба. Правда, внешность не совпадает, но, сам понимаешь, изменить внешность – это как два пальца об асфальт... Уверен, мы имеем дело с одной и той же бабой. Машины, правда, в обоих случаях были тоже разные, но и это понятно – они же, блин, не идиоты: использовать одну и ту же тачку. Вот такой компот...

– Ну, Саня, не тяни! – Олег схватил Александра за руку.

– Отпусти, медведь, руку сломаешь! – поморщился тот. – Да, недостатком здоровья ты никогда не страдал. Помню, на ковре...

– Саня!! – взревел Олег.

– Ну, всё, всё... Короче, мы ещё тогда пошуровали у смежников и выяснили, что этими делами у них заправляет некто майор Сидоренко. В общем, эта информация до поры до времени хранилась вот здесь, – Александр постучал себя по лбу, – а теперь пришёл час её использовать.

– Что ты выяснил по этому Сидоренко? Где живёт? С кем? Машина? Дача?

– Значит так, он женат, сыну тринадцать лет, в городе у него трёхкомнатная квартира, есть дача, машина. Но ни дома, ни на даче его нет.

– А где он?

– Я тут после твоего звонка немного побил хвостом, – Александр заметил, что Олег нахмурился. – Да не бойся ты, я это делал втихаря, со своими ребятами. В общем, есть тут у них одна хитрая хата для конспиративных встреч...

– Одна ли? – усмехнулся Олег.

– Не одна, конечно. Но именно в этой хате он сейчас «конспиративно» встречается со своей пассией. Там его мои ребята пасут. Они его срисовали прямо у здания КГБ, и он их прямо в адрес вывел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.